ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 67 (2450) Суббота, 21 августа 1948 г. Цена 40 коп.

Советские инженеры

Помните ли вы инженера Крикунова — героя чеховского рассказа «Пассажир 1-го класса»? Он «построил на Руси десятка два великолепных мостов, соорудил в трех городах водопроводы», написал много специальных статей, нашел способы добывания ряда органических кислот, но своему случайному спутнику в поезде Крикунов жалуется, что он известен в стране «столь же, как вон та черная собака, что бежит по насыпи»...

Может ли в нашей стране, в наше время оказаться неизвестной фамилия инженера, который строит великолепные мосты, сооружает водопроводы, пишет статьи, прокладывает новые пути в технике? Такого инженера знала бы страна, и миллионы людей с уважением произносили бы его имя! Тысячи инженеров в нашей стране награждены орденами и медалями, многие сотни инженеров удостоены высокого звания лауреатов Сталинских премий. Среди Героев Социалистического Труда — выдающиеся инженеры советской страны, талантливые конструкторы.

На XVIII с'езде Всесоюзной коммунистической партии товарищ И. В. Сталин отмечал, что в результате громадной культурной работы «сложилась у нас многочисленная новая, советская интеллигенция, вышедшая из рядов рабочего класса, крестьянства, советских служащих, плоть от плоти и кровь от крови нашего народа, — интеллигенция, не знающая ярма эксплоатации, ненавидящая эксплоататоров и готовая служить народам СССР верой и правдой». Нарождение этой новой народной, социалистической интеллигенции — один из самых важных результатов культурной революции в СССР. В годы пятилеток, во время Великой Отечественной войны советская интеллигенция, и в частности ее инженерно-технический отряд, совершила вместе со всем народом великий подвиг беззаветного труда и вдохновенного творчества.

Первая послевоенная сталинская пятилетка поставила перед инженерством огромные задачи. И наши специалисты — от мастера в цехе до руководителя крупнейшего предприятия или отрасли индустрии — показывают себя вполне достойными великих задач. Они проявляют себя в каждодневном труде, как люди большой квалификации, как волевые, творчески мыслящие командиры, каких не имеет индустрия ни одной из капиталистических стран. Десять лет потребовалось капиталистической технике для восстановления шахт Па-де-Кале после первой мировой войны, а советские люди за два послевоенных года совершили в Донбассе неизмеримо большее! В течение трех месяцев станкостроители обеспечили выпуск ряда сложных агрегатных станков для автомобильной и тракторной промышленности! Где бы ни работал советский инженер, он всегда и неизменно проявляет себя творцом, созидателем. И страна знает своих инженеров — крупных и рядовых. Рядом с давно известными именами прославленных инженеров — конструктора самолетов Александра Яковлева и строителя Днепрогэса Иннокентия Кандалова, конструктора танков Александра Морозова и металлурга, директора Кузнецкого комбината Романа Белана — возникают новые имена машиностроителя Александра Иванова, угольщика Николая Игнатова, металлурга Константина Бурцева, стекольщика Павла Чередниченко, прославившихся новаторской деятельностью.

С каждым годом растут ряды советской технической интеллигенции, растут за счет талантливой молодежи. Пятилетний план предусматривает выпуск 602 тысяч молодых специалистов из вузов и 1 миллиона 326 тысяч из техникумов и других средних специальных учебных заведений. Только в нынешнем году свыше 120 тысяч молодых людей окончили высшие учебные заведения и отправились в гущу жизни, туда, где идет борьба за выполнение пятилетки в четыре года. В стране, где производительные силы освобождены от оков капитализма, где труд не знает эксплоатации, где перед трудящимися открыты двери в науку и технику, где партия устами своего великого вождя заявляет: «Мы хотим сделать всех рабочих и всех крестьян культурными и образованными, и мы сделаем это со временем», — там ряды интеллигенции беспрерывно пополняются новыми, не похожими на прежние, кадрами. И в этом смысле глубоко примечателен путь простого советского человека, стахановца, о котором рассказывает сегодня писатель А. Письменный в очерке «Директор Илларион Янкин».

Одной из самых характерных черт повседневной деятельности советского инженерства является творческий союз инженера и стахановца. Ни в одной капиталистической стране немыслимо такое слияние в работе капитана индустрии и рядового бойца. Волчий закон капиталистических монополий не допускает сочетания интересов рабочего и инженера. А у нас одновременно награждают Сталинской премией мастера Николая Российского и инженеров Якова Оснаса и Марину Коренцову, работавших совместно над усовершенствованием производства.

Творческий союз стахановцев и инженеров, их содружество на поприще служения Родине ярко, с душой показаны Василием Ажаевым в публикуемом ныне журналом «Новый мир» романе «Далеко от Москвы». Скромный советский человек, герой киноповести «Падение Берлина», написанной Петром Павленко и Михаилом Чиаурели, сталевар-стахановец Иванов с великой гордостью говорит о своем руководителе Хмельницком: «Сталь мы даем хорошую, такую никто не дает. Так и называется у нас — хмельницкая сталь!» Четырнадцать лет назад, беседуя с английским писателем Уэллсом, товарищ И. В. Сталин сказал: «Интеллигенция может быть сильна, только если соединится с рабочим классом». Это время наступило, и сила нашей технической интеллигенции — в союзе с рабочими!

На заре стахановского движения командарм социалистической индустрии Серго Орджоникидзе рассказал, как составлялся тот пункт постановления декабрьского пленума ЦК ВКП(б), где было сказано, что инженеры, техники и хозяйственники должны возглавить стахановское движение.

«В первоначальном проекте резолюции пленума этот пункт не так был сформулирован, — говорил С. Орджоникидзе. — Товарищ Сталин нам его поправил. Он указал, здесь надо прямо сказать, что, если движение не будет возглавлено инженерами, техниками и хозяйственниками, вы не разовьете его как следует»... Высокая сталинская оценка, сталинская забота об инженерстве и о стахановцах ярко проявились в этом случае, так ярко обрисованном Серго Орджоникидзе. В сегодняшнем номере «Литературной газеты» мы напоминаем о книгах, в которых показано значение инженерства в развитии социалистического соревнования и стахановского движения. Речь идет о повестях «Танкер «Дербент» и «Инженер» Юрия Крымова, о произведениях, написанных в годы второй и третьей пятилеток и не потерявших своей актуальности и сейчас.

Нет никакого сомнения, что и сегодня, как в ту пору, перед писателем открывается широкая возможность показать новое в стахановском движении — дальнейшее укрепление творческого содружества инженера и рабочего. Недавно на Кировском заводе на Урале, где по почину Александра Иванова в свое время родилось движение технологов-новаторов производства, возникла, как сообщает «Правда», еще одна форма сотрудничества инженеров и рабочих: комплексные бригады конструкторов, технологов, мастеров, стахановцев, которые идут на наиболее трудные участки производства и совместно решают задачи максимального увеличения выпуска продукции. Какая прекрасная инициатива советских людей — хозяев своей страны, своей жизни, своего производства, — и как много говорит эта инициатива писателю!

Инженер, техник, взращенный партией Ленина—Сталина, социалистическим строем, нашей великой Родиной, — патриот своей отчизны. Это ему, овеянному славой и окруженному почетом инженеру — вожаку, организатору людей труда, — говорит страна словами поэта: «Твори, выдумывай, пробуй!» И стране отвечает инженер нашего времени: «Есть!»

По Советскому Союзу

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

◆ **Усть-Абакан.** В колхозе имени Калинина Усть-Абаканского района, Хакасской автономной области, с успехом прошел кинофестиваль. За пять дней колхозники просмотрели фильмы «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Человек с ружьем» и «Сказание о земле Сибирской».

◆ **Сыктывкар.** Закончилось второе республиканское совещание молодых писателей, созванное Союзом советских писателей Коми АССР. На творческих семинарах участники совещания подвергли детальному разбору произведения молодых поэтов и прозаиков: В. Власова (поэма «Сын Родины»), С. Тимушева (повесть «На прочную основу»), Г. Надеева (рассказ «На Печоре»).

◆ **Кызыл.** Закончены переводы на тувинский язык первой части романа Н. Островского «Как закалялась сталь» и романа М. Шолохова «Поднятая целина». Переводится «Молодая гвардия» А. Фадеева и готовится к печати второе издание перевода на тувинский язык повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка».

◆ **Ашхабад.** Вышел в свет на русском языке сборник туркменских сказок, подготовленный к печати Институтом истории, языка и литературы Туркменского филиала Академии наук СССР. В сборник вошли 32 сказки, записанные экспедициями института в разных городах и селах республики. Составители сборника — Ата Каушутов и М. Сакали, редактор — Б. Каррыев.

◆ **Сталинабад.** Научный сотрудник Института востоковедения Академии наук СССР А. Болдырев побывал в кишлаках Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР. Он собрал там образцы фольклора из бадахшано-таджикском диалекте. Исследование А. Болдырева — первая научная работа, посвященная бадахшано-таджикскому фольклору, — будет опубликовано в сборнике «Советское востоковедение».

◆ **Киев.** Фольклорная экспедиция Института языковедения, фольклора и этнографии Академии наук Украины выехала в Закарпатье. В Свалявском и Береговском округах Закарпатской области экспедиция соберет лучшие образцы нового советского фольклора.

◆ **Львов.** После реставрации вновь открылся литературно-мемориальный музей И. Франко, пополненный новыми документами и картинами. Полностью восстановлен рабочий кабинет писателя.

◆ **Полтава.** 85 лет существует Гадячская библиотека на Полтавщине—одна из лучших районных библиотек республики. В год своего основания библиотека насчитывала 43 читателя, а из украинской литературы имела одну книгу — «Кобзарь» Т. Шевченко. Сейчас в книжном фонде библиотеки 13 тысяч томов. Она обслуживает не только городских, но и сельских читателей.

◆ **Казань.** Первая творческая встреча писателей с композиторами Татарии состоялась в Казанской консерватории. Лучшие стихи, прочитанные поэтами на вечере, приняты композиторами в качестве текстов для новых песен.

◆ **Славянск.** На Святогорском курорте восстанавливается разрушенная немецко-фашистскими оккупантами здравница для шахтеров. Здравница рассчитана на одновременное пребывание четырех тысяч отдыхающих. На восстановление и строительство новых корпусов санатория, приобретение обстановки и медицинского оборудования ассигновано 28 миллионов рублей.

Директор Илларион Янкин

◆

Александр ПИСЬМЕННЫЙ

Специальный корреспондент «Литературной газеты»

◆

1.

В июле 1948 года я встретился с Илларионом Янкиным на Московском аэродроме.

Лет десять назад я знал его простым бурильщиком. Сейчас в кармане у него лежал приказ министра о назначении на должность директора Пышминского рудоуправления на Урале.

Он изменился внешне за эти годы, я бы сказал, построжал, но был все таким же плотным и кряжистым, каким я знал его в Красноуральске, и в высоких, светлых залах аэропорта ходил по-горняцки, чуть вжав голову в плечи, точно опасался задеть крепь в низкой горной выработке.

Я также направлялся в Пышму. Нам предстояло лететь с Янкиным на одном самолете. Летел Илларион Янкин впервые.

— Глубоко под землей для меня дело привычное, а вот каково над землей?.. — сказал он мне, когда мы заняли свои места.

И тут мне вспомнилось примечательное событие, свидетелем которого случилось мне быть лет десять тому назад.

Человек, который был в самолете рядом со мной, пропустил тогда смену. В его забое не успели убрать отпаленную накануне руду, и он отказался работать, пока не приведут в порядок рабочее место. Говорил он тогда решительно и твердо, по-хозяйски, но мне показалось, что Янкин нарушил производственную дисциплину. Имел ли он право отказываться работать? Руководители рудника, однако, к моему удивлению, полностью поддержали бурильщика. Нужно было послушать, как горячились инженеры и техники по поводу того, что своевременно не убрали «набойку», говоря по-горняцки, как укоряли они начальника смены в нераспорядительности, как ругали начальника участка за то, что по его вине был сорван труд выдающегося бурильщика!

Позднее директор сказал мне:

— Один такой забойщик приучает весь рудник работать, как часы.

В те дни Илларион Янкин еще не был знаменит. Позднее он разработал свой метод многозабойного и многоперфораторного бурения и добился невиданной производительности. За внедрение этого метода правительство удостоило бурильщика-новатора Сталинской премии. Позднее Илларион Янкин был награжден орденом Ленина.

Высокие награды, слава, почет не вскружили голову этому человеку. Он не успокоился на достигнутом, продолжал совершенствовать свой метод и все время учился. Трудно ему было, но он настойчиво занимался на курсах, потом, когда почувствовал, что недостаточная грамотность мешает ему овладевать теорией горного дела, он взялся за программу средней школы. Днем Янкин работал в шахте, вечером к нему приходили преподаватели, и он садился за учебники... Недавно бывший забойщик окончил горный институт и защитил дипломный проект с отметкой «отлично».

Теперь инженер Илларион Янкин, пришедший в 1934 году на шахту чернорабочим, летел со мной в самолете. Он направлялся в Пышму, чтобы принять руководство крупным рудником.

2.

Спустя пять с половиной часов мы были в Свердловске, а через два часа машина, ожидавшая нового директора на аэродроме, доставила нас в Пышму.

Илларион Павлович Янкин застал рудник в неудовлетворительном состоянии. Полтора года предприятие фактически не имело руководителя, так как прежний директор болел и не мог систематически управлять производством. В результате добыча руды на двух действующих шахтах — Центральной и Александровской — была ниже возможностей. Шахты отстали в области механизации. Многие сооружения на поверхности требовали срочного ремонта. До наступления осени необходимо было поставить новые перекрытия на обогатительной фабрике. Так как руководители Пышминского рудоуправления не позаботились своевременно о приобретении насосов для строящейся третьей шахты — Ключевской, а обильный приток подпочвенной воды мешал работам, то углубление шахты велось медленно; значит, Янкину следовало позаботиться о насосах. Плохо работали столовые. Из-за различных производственных неполадок пышминские горняки зарабатывали меньше, чем могли бы.

Иллариону Янкину предстояла большая, ответственная и сложная работа.

По-разному мог бы новый директор начать свою деятельность. Он мог погрузиться в бумаги, в цифры, начать с издания приказов, выговоров, с увольнений нерадивых работников. Илларион Янкин прежде всего познакомился с производством, побывал на обогатительной фабрике, в механической мастерской, в шахте, в медпункте, на кирпичном заводе, в горноспасательной станции и все время интересовался людьми. Я бы сказал, что его не покидал пристальный интерес к людям.

Он обошел общежития.

— Как живете, товарищи? Сколько зарабатываете? Хорошо ли питаетесь? Ну, а в свободное время есть где отдохнуть?

В столовой он вызвал заведующую и спросил ее: бывала ли она когда-нибудь в шахте? Известно ли ей, что в шахте новичку, быть может, даже страшно? Думала ли она о том, что рабочему, когда он выходит на поверхность, приятно посидеть в чистой, уютной столовой? Почему же тогда занавески на окнах не повесить, не поставить на столах цветы?

И немедленно в столовой появились и новые вилки, и стаканы, и занавески, и цветы...

Через два дня в кабинете директора состоялось совещание пышминских забойщиков. Пришли горняки, свободные от смены. Это было необычное в Пышме совещание. Резко и откровенно говорили рабочие о недостатках, в один голос ругали тяжелые перфораторы Кыштымского завода, — в этом, пожалуй, состояло главное зло. Я очень сожалею, что представители завода не присутствовали на этом совещании, — они бы сгорели со стыда за качество своей продукции. Забойщики иначе и не называли руководителей этого завода, как кыштымскими бракоделами.

— Посмотришь на кыштымский перфоратор, — говорил один, — красивая машина, аккуратно покрашена. А на деле—взять бы ее да выбросить. Видано ли дело, новенькую машину отправляем в механическую мастерскую на ремонт?!

— Мы не бурим, а машины взад и вперед таскаем. Пять шпуров пробурил, машина ломается. А попробуй, потаскай ее, в ней сорок пять килограммов весу,— подхватывал другой. — Настоящие калеки, а не перфораторы. Почему Молотовский завод выпускает превосходные ручные перфораторы, а Кыштымский не может справиться?

Слово взял Илларион Янкин. Он сказал:

— Я обещаю добиться, чтобы Кыштымский завод выпускал годные машины. Я обещаю создать такие условия, чтобы забойщик бурил все 480 минут, которые он проводит в шахте. Вы знаете, что меня страна растила и вырастила. И так же страна будет растить каждого из вас. Дело за вами. А что касается администрации, то даю гарантию, всем поможем, чтобы вам работалось хорошо. За тем меня сюда и назначили, я так понимаю!

Выступил забойщик Мануйлович.

— Я вас знаю, товарищ Янкин, — начал он.—Я газеты читал. Лягу спать, а все думаю, как у вас получается, что вы такие рекорды даете. Теперь вы к нам приехали, и я этому очень рад. Посмотрю, каков это метод Янкина.

— Значит, договорились? — спросил Илларион Павлович. — Для начала дадим пять перфораторов на двоих. Воздуха обеспечим — шесть атмосфер!

Мануйлович замялся. Этот коренастый светловолосый белорусский паренек каждый раз вскакивал с места и подходил к столу, когда начинал говорить. Сейчас он снова вскочил, подошел к столу, но молчал, смущенно ухмыляясь.

— За вами-то я пойду, ясное дело,— проговорил он наконец, — но только сразу не обещаю. Жуть берет...

— Э-э, друг милый, так не годится,— сказал Янкин. — Не тот герой, кто прицеливается, а тот герой, кто стреляет.

3.

Подолгу просиживал я в кабинете нового директора, слушал его беседы с работниками рудоуправления, ходил по руднику, спускался в шахты.

Я спрашивал:

— Илларион Павлович, в институте вы проходили горное дело, теоретическую механику, обогащение полезных ископаемых, но откуда вы знакомы с вопросами финансирования? Ведь этого вы в институте не проходили.

Янкин отвечал, что науками, которых в институте не преподавали, он интересовался раньше, еще тогда, когда работал на шахте в Красноуральске, когда по заданиям министерства ездил по рудникам внедрять свой метод бурения.

— Я же не вчера родился, — говорил он мне. — Мастерству бурильщика меня обучал Затеев Григорий Иванович—самую светлую память о нем храню, а с сорокового года моим воспитанием занимались, можно сказать, и партийная организация, — хотя членом партии я стал в сорок третьем году,—и директор, и главный инженер. Даже управляющий трестом Валентин Никанорович Богатов значится в моих учителях. Придешь к нему по какому-нибудь делу, соберешься уходить, а он говорит: «Сиди, слушай, как я буду толковать с людьми, когда-нибудь сам станешь директором». Ну, а потом институт...

Значит, еще в пору своей низовой, шахтерской деятельности учился Илларион Янкин искусству руководителя. И мне стало понятно существо тех качеств, с которыми Янкин пришел на пост директора. По крайней мере, три обстоятельства определяли эти качества: во-первых, новый директор обладал личным производственным опытом; во-вторых, техническими знаниями, приобретенными во время учебы в институте; в-третьих, способностью мыслить государственно. Это важное качество воспитала в нем партия Ленина—Сталина. Потому так умело, спокойно и просто принял управление рудником бывший бурильщик.

Знакомясь у себя в кабинете с начальниками отделов, задавая вопросы, он быстро находил причину недостатков, легко отыскивал путь, как от них избавиться.

— Вы жалуетесь на нехватку рабочей силы? Иначе и быть не может, если на погрузке руды вы держите тридцать человек, в то время как механизмы зря простаивают, — говорил он.

— На Центральной шахте канат, говорите, изношен? А вы позаботились о получении нового? Если канат достигает трех процентов износа, пора в запасе иметь новый. Еще нитка лопнет — и вот вам пять процентов износа, а при таком состоянии охрана труда не разрешит спускать людей в шахту.

И вот подписывается первая телеграмма в главк относительно насосов для Ключевской шахты... Лето еще в разгаре, но созывается совещание о подготовке рудника к зиме... Проверяется наличие годных к работе перфораторов...

4.

Для человека непосвященного—все шахты, как на подбор. Но для горняка нет шахты, похожей на другую. Характер залегания руды, качество горных выработок, состояние штреков и механизации, система добычи резко отличают в ощущениях горняка одну шахту от другой. Даже самый воздух, — и тот, которым люди дышат, и тот, который закован в трубы под давлением в несколько атмосфер и который движет бурильные машины, — даже воздух кажется горняку в каждой шахте другим. Это все же не мешает ему так же легко разбираться в подземном мире, как разбираются землепашец в поле и лесоруб в лесу.

С нескрываемым любопытством, я бы сказал, с настороженным любопытством проходил Янкин по горным выработкам, поднимался по тесным ходкам. Как работают **эти** люди, которыми теперь он должен руководить? Каков опыт **этих** людей, **этой** шахты? Что узнает он здесь нового?

С неистребимым любопытством, составляющим его молодость, его силу, обеспечивающим его рост, с глубоким чувством ответственности осматривал Илларион Янкин подземное хозяйство шахты.

На груде осыпавшейся после отпалки руды работал на двух перфораторах забойщик. Илларион Павлович тронул его за плечо и прокричал:

— Удобно тебе работать?

Бурильщик выключил машины и сердито проговорил:

— Как же, удобно! Да тут ноги покалечишь — вот какое удобство. И как я буду нижние шпуры бурить?

— Так что же ты, друг милый, скандала не поднимешь? Твоя забота набойку убирать?.. Требуй от начальника смены, от начальника шахты, чтобы тебе условия создали! От меня требуй!.. Я никогда работать не начинал, пока мне рабочего места не подготовят, всех на руднике к этому приучил!

Илларион Янкин был теперь директором, но в главном остался тем же, каким я знал его когда-то в Красноуральске,— рабочим человеком.

— Товарищ Янкин?.. — сообразил бурильщик. — Бобов моя фамилия, мы с вами в Первоуральске на стахановском слете встречались, — сказал он.

— Ну как же, помню! Но только, товарищ Бобов, не понимаю, почему ты молчишь? Почему о тебе ничего не слышно?

— Прямо не знаю, что и сказать. Я готов четыре машины поставить, по вашему методу, товарищ Янкин, пойти, а никакой поддержки не замечаю.

— Требовать надо, бороться надо! Для того и командиры в рудоуправлении, чтобы забойщик больше руды давал... Вот что я тебе скажу, товарищ Бобов, придешь ко мне, скажешь, кто мешает. Я со всех взыщу, кто тебе работать не дает. Поставишь четыре машины, заработаешь двенадцать тысяч, будешь нашей гордостью!..

* * *

Глядя, как вступает Илларион Янкин в должность директора, я убеждался, что на рудник пришел хозяин — хозяин не по положению, а по праву. Хозяин, который утверждал советскую власть по предначертаниям Ленина и Сталина, боролся за нее с врагами, перестраивал деревню на новых началах, своими руками созидал заводы и города, фабрики и шахты. Право хозяина давало в руки Иллариона Янкина тот ключ, которым открывались все двери, — и к новым методам производства, и к искусству руководить, и к тайнам мастерства.

И примечательными показались слова, которые сказал мне как-то новый директор.

— Вы думаете, я стал хозяином? — сказал он. — Я не переставал быть хозяином — так будет вернее!

ПЫШМА, Свердловской области.

Государственный музей М. И. Калинина

В Москве организуется музей выдающегося деятеля большевистской партии и Советского государства Михаила Ивановича Калинина.

Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР совместно с Институтом Маркса—Энгельса—Ленина разрабатывает план экспозиции музея. Намечено создать одиннадцать экспозиционных зал, отображающих героическую жизнь Михаила Ивановича Калинина, его полувековой путь борьбы за дело коммунизма.

Музей будет размещен в особняке по Моховой улице, вблизи приемной Председателя Президиума Верховного Совета СССР, где долгие годы руководитель верховного органа Советского государства М. И. Калинин принимал трудящихся.

К созданию музея привлекаются широкие слои населения и общественные организации, которые помогут Комитету по делам культурно-просветительных учреждений собрать многообразный фактический материал, связанный с жизнью, революционной и государственной деятельностью М. И. Калинина.

У пульта—горный диспетчер

Сейчас, когда вся страна готовится отметить всесоюзный День шахтера, в глубине одной из шахт Караганды множество людей напряженно трудится, чтобы преподнести праздничный подарок горнякам бассейна. Таким подарком будет шахта, оборудованная по новой системе, разработанной группой ученых и инженеров.

Авторы этой работы — проф. В. Уманский, И. Баженов, Е. Снаговский, Б. Фурманов, К. Васильев и А. Ештокин — удостоены Сталинской премии. Они создали систему комплексной автоматизации управления механизмами и производственными процессами в угольной шахте.

Многие тысячи механизмов за последние годы спущены в глубину советских шахт. Благодаря высокой механизации образуется непрерывный поток угля, идущего по путям шахты.

Нельзя ли сделать так, чтобы все механизмы были автоматически связаны между собой и синхронность их работы не нарушалась? Нельзя ли обойтись без того, чтобы у каждого мотора стоял человек? Нельзя ли, наконец, при значительно меньшем количестве людей начисто исключить всякое нарушение цикличности производства? Такова была смелая идея, за осуществление которой взялись ученые и инженеры.

В шахте, оборудованной для работы по новому методу, применена система сигнализации, централизации и автоблокировки, которая ранее применялась лишь на железных дорогах. СЦБ, как называют эту систему на железнодорожном транспорте, обеспечивает непрерывность и абсолютную безопасность движения. На СЦБ основана, в частности, идеальная работа московского метрополитена, не знающего ни аварий, ни задержек.

Как и на метро, в шахте, оборудованной по этой системе, все управление производственными процессами сосредоточено у подземного диспетчера по движению и в кабинете горного диспетчера. Находясь на поверхности, он буквально видит все, что происходит в шахте, в самых отдаленных забоях. На столе горного диспетчера установлен специальный пульт. Горят контрольные лампочки. Вот одна из них погасла: это сигнал. Диспетчеру ясно, что один из механизмов остановился. Пользуясь специальной шахтной системой связи, диспетчер может немедленно установить причину остановки и устранить ее. Со своего места диспетчер наблюдает за работой всех механизмов доставки и контролирует темп работы шахты. Особое приспособление постоянно показывает ему, сколько поднято на поверхность угля, сколько выгружено породы, как идет добыча.

Все это не фантазия, не научный прогноз, не предположение. Новая система помогла повысить добычу угля на многие десятки тысяч тонн. Интересно отметить, что все затраты на оборудование шахты окупились полностью в течение года.

Система, столь блестяще оправдавшая себя на практике, получает все более широкое распространение на наших шахтах. Карагандинская шахта, которая получит автоматическое управление производственными процессами ко Дню шахтера, — далеко не единственная. Вскоре эта система будет осуществлена на многих крупнейших шахтах страны.

ХУДОЖНИКИ УКРАИНЫ — ШАХТЕРАМ

КИЕВ. (Наш корр.). Две передвижные художественные выставки ко Дню шахтера отправляет на шахты Сталинской и Ворошиловградской областей Комитет по делам искусств при Совете Министров УССР.

Среди экспонатов выставок — серия гравюр «Ленин и Украина» народного художника СССР В. Касияна, серия гравюр, посвященных возрождению Донбасса и Днепрогэса, работы заслуженного деятеля искусств УССР А. Пащенко и художника И. Дайца. Много места на выставках уделено показу украинского пейзажа — работам народного художника СССР А. Шовкуненко, заслуженного деятеля искусств УССР Н. Глущенко, художников И. Бокшая, С. Шишко и других.

Для стахановцев угольных бассейнов

Министерство строительства топливных предприятий СССР приступает в конце этого года к сооружению образцового поселка в столице Донбасса — Сталино. Здесь будут выстроены благоустроенные дома, обеспечивающие шахтерам максимальные бытовые удобства, здания школы, детских яслей, клуба-кино. Улицы и площади поселка украшаются зелеными насаждениями, бассейнами и фонтанами.

Это будет первый поселок из числа сооружаемых по решению правительства для шахтеров и шахтостроителей Донецкого, Кузнецкого и Подмосковного бассейнов. Новое строительство ведется по типовым серийным проектам, разработанным группой московских архитекторов (П. Волчок, Л. Коток, Л. Киселевич и Н. Наумова). Преимущество новых проектов заключается в том, что они при ограниченном количестве строительных деталей, позволяющем вести строительство поточно-скоростным методом, дают разнообразие архитектурного выражения и сохраняют, вместе с тем, единство ансамбля улицы и целого поселка.

В КЛАСС ВХОДИТ ИНСПЕКТОР...

Т. ЛЕОНТЬЕВА
Специальный корреспондент «Литературной газеты»

Четыре года назад товарищ Андрианова, заведующая районным отделом народного образования в городе Сызрани, вызвала к себе телефонограммой сельскую учительницу Любовь Ивановну Шуваткину.

— Поздравляю вас, — сказала она, едва учительница переступила порог ее кабинета. — Принято решение выдвинуть вас на пост районного инспектора школ.

Высокая, тоненькая девушка со смелыми, широко поставленными глазами, которые так и вспыхивали голубым огнем, стояла перед ее столом, смущенно перебирая оборку своего скромного платья в мелкую клеточку.

И это платье в клеточку, и туфли на босу ногу, и голубая лента в волосах никак, казалось бы, не свидетельствовали о правильности принятого решения. Неужели эта молодая учительница может стать настоящим инспектором, то-есть тем авторитетным человеком, от которого ничто не укроется и которому стоит только войти в школу, как все промахи и ошибки учительского коллектива будут охвачены опытным глазом?

Но у заведующей районо не было выбора. Близилось начало учебного года, следовало немедленно проверить, как обстоит дело с ремонтом школ, с завозом топлива, с программами, учебниками.

Директоры школ писали Андриановой тревожные письма, а районный инспектор Екатерина Степановна Юдина, человек уже пожилой, с 25-летним стажем педагогической работы, как ни старалась, а все 50 школ района об'ездить не могла. Должность второго инспектора давно была вакантной, и подходящей кандидатуры пока никак не находилось.

В облоно бесполезно было обращаться. Там не было учителей, а тем более инспекторов.

Вот почему Андрианова дружелюбно улыбнулась, глядя на молодую учительницу, и добавила со вздохом:

— И, пожалуйста, не отказывайтесь. Люба. Вы знаете, какое у нас положение...

Но молодая учительница и не собиралась отказываться. Ее назначали инспектором. Разве это не было почетным назначением?

— Я только одного боюсь: не справлюсь, — сказала Любовь Ивановна.

— Поможем...

Приказ о назначении учительницы Шуваткиной, 1925 года рождения, дочери машиниста, был подписан в тот же день.

С этого момента девушка, почти не имеющая педагогического опыта, — она окончила Учительский институт и всего один год преподавала физику и математику в средней школе, — была обязана давать указания и распоряжения директорам школ, представлять педагогов к поощрению и присуждению звания заслуженного учителя, ставить вопрос о снятии с работы учителей и даже директоров школ, созывать совещания, вносить свои предложения в местные учреждения и организации.

Особое чутье подсказало молодой учительнице, что она должна быть крайне осторожна.

Любовь Ивановна прежде всего поехала в село Кашперовские выселки к учительнице Лидии Константиновне Фроловой, которая 51 год преподает в школе, и провела несколько дней на ее уроках. Это дало ей возможность сказать молодым учительницам в других школах:

— Лидия Константиновна, как я заметила, постоянно отмечает орфографические ошибки на полях тетради, а потом разбирает их со всем классом. Попробуйте делать так. Это дает очень хорошие результаты.

В Сызранском районе много старых опытных учителей: А. С. Маркелов, А. И. Захарова, Е. И. Жесткова. Их опыт, их приемы и методы собирала Любовь Ивановна Шуваткина с трудолюбием пчелы. Она завела дневник и особую «Книгу опыта», в которой записывала все положительное, что ей случалось наблюдать при посещении школы.

Заметив, что учитель математики в Запровской школе строит свои уроки применительно к запросам практической жизни, исчисляя с ребятами площади колхоза, она требовала, чтобы и химики выносили свои уроки за пределы класса, и чтобы ботаники не занимались только по учебнику тычинками и пестиками, а проходили свой предмет на примерах, связанных с борьбой за колхозный урожай.

Были случаи, когда ее попрекали молодостью. Тогда глаза ее вспыхивали голубым пламенем, и она говорила:

—Если я не права, меня поправит коллектив. Мои выводы будут рассмотрены на педсовете. Критикуйте мои выводы.

И ей верили, потому что она заражала своей верой в силу коллектива. При помощи коллектива можно было все исправить, все изменить...

Она не любила писать в акте: «Школа не обеспечена топливом». Она шла к председателю колхоза, к секретарю партийной организации, добивалась привоза дров в школу, или создания пришкольного участка, или организации агрономического кружка.

Когда учителя задавали ей какой-нибудь методический вопрос, на который она не могла ответить, она не переводила равнодушно разговор на другую тему. Она говорила:

— Я еще не знакома с этим вопросом. Я его изучу и сообщу вам в письме, или сама приеду...

Вернувшись в Сызрань, она писала письмо старшим инспекторам облоно тов. Базаревскому или тов. Грунюшкиной:

«Дорогие товарищи! Правильно ли я поставила вопрос о едином орфографическом режиме в Ново-Рачеевской школе?»

И Александр Александрович Базаревский и Екатерина Ивановна Грунюшкина отвечали ей обширным письмом.

Теперь Любовь Ивановна Шуваткина уже никого не удивляет своей молодостью. Ей 23 года, и она 4 года работает инспектором, осуществляя государственный контроль в 25 школах Сызранского района. Она переезжает из школы в школу со своим маленьким черным портфелем. Проезжие колхозные машины всегда прихватывают ее с собой. Родители говорят: «Вот идет наш инспектор», а дети называют по имени и отчеству.

Пришло теперь время, когда учителя стали просить молодого инспектора:

— Придите, пожалуйста, ко мне на урок. Вы у меня в прошлый раз не были...

Лидия Константиновна Фролова, старейшая учительница района, сказала однажды на учительском совещании:

— Наш инспектор мне многим помогает. Она мне предложила интересный метод обучения счету. Я попробовала. Хорошо получается...

И действительно, Любовь Ивановна никогда не приезжала в школу с пустыми руками. Она привозила рассказ о передовом методическом приеме, новый педагогический журнал, вырезку из газеты или просто акт обследования какой-либо школы своим постоянным советчиком инспектором Екатериной Степановной Юдиной.

Не так давно она обследовала Кашперовскую школу. Акт обследования обсуждался на педсовете. На заседании совета присутствовал А. П. Корняков, известный в Куйбышевской области педагог, научный работник. Его спросили, как он расценивает анализ работы школы, данный молодым инспектором.

— А я и сам бы не написал иначе. Ни одного слова добавить не могу, — сказал он.

Таким образом, авторитет молодого инспектора упрочился не только в Сызранском районе, но в известной мере и в области.

Молодых инспекторов в Куйбышевской области много. Область нуждается в 80 инспекторах. В действительности их всего 50, причем 21 из них — моложе 30-летнего возраста, стаж их работы измеряется 3—4 годами учительства в сельской школе. Молодым инспекторским кадрам зачастую нехватает глубоких знаний, опыта, широты кругозора. Их попытки передавать школам опыт лучших учителей носят иногда кустарный характер, а их суждения об учителе не всегда бывают справедливыми, а иногда просто обидными.

Однако, если внимательно всмотреться в работу многих молодых инспекторов, подобных Л. И. Шуваткиной, то неожиданно видишь нечто новое и весьма важное, что не может быть обойдено. Творческий, инициативный подход к живому педагогическому процессу, уменье не разбрасываться, а сосредоточить внимание на важнейшем, работать по плану, подводить итоги каждого дня, относиться требовательно к себе и судить о людях не по словам, а по делам — все это жадно впитывается молодым поколением школьных инспекторов. Они год от года работают все лучше, все увереннее.

* * *

Но все ли благополучно в деле школьной инспектуры? Нет.

Школьный инспектор, призванный осуществлять государственный контроль над деятельностью школ, оказывать методическую помощь учителям, быть проводником передового педагогического опыта, не может быть предоставлен сам себе.

Инспектора обследуют школы, пишут неисчислимое количество актов, переполняющих столы и шкафы в отделах народного образования. Кто изучает эти акты, обобщает их, подвергает критике и анализу?

Академия педагогических наук стоит совершенно в стороне от практической работы инспектора — «учителя учителей». И порою нет ничего удивительного, что, оставаясь без теоретической и методической помощи, инспектора превращаются в сборщиков сводок и донесений.

Министерство просвещения РСФСР также не обобщает опыта лучших инспекторов. Молодые инспектора не собираются министерством на конференции, совещания,—они предоставлены самим себе.

«От души желал бы, чтобы приходящие нам на смену молодые силы также видели в инспекторской работе живое, благородное дело, дело всей личной жизни», — пишет нам старый инспектор И. К. Семенов из Новосибирска.

Опыт таких молодых инспекторов, как Любовь Ивановна Шуваткина, показывает, что талантливые молодые силы школьной инспектуры у нас есть. Они нуждаются в теоретической и практической помощи со стороны старейших и опытнейших учителей, научных работников, академиков.

Это одна из важнейших задач, стоящих перед органами народного образования накануне нового учебного года.

СЫЗРАНЬ, Куйбышевской области.

Сергей МАРКОВ

Сады Окско-Цнинского вала

Садоводы Ивановской области давно заметили, что на землях Окско-Цнинского вала хорошо приживаются южные растения и что наиболее плодородные участки расположены вблизи речных берегов и источников. Прибрежные сады славятся обилием устойчивых деревьев, дающих крупные плоды.

Существует, например, одна местная яблоня, сорт которой до сих пор не поддается определению. Но она есть и в Шуе, и в Иванове, и в других городах Ивановской области. Этой яблоне не страшны морозы, и она уцелела в памятную холодную зиму 1939—1940 г., когда погибло много плодовых деревьев. Замечательную яблоню садоводы отыскивают теперь по всей области и размножают. Доктор сельскохозяйственных наук тов. Бурштейн усиленно изучает жизнь этих знаменитых, но пока загадочных яблонь Шуи и Иванова.

Ивановские мичуринцы выращивают и новые для области культуры. У Л. П. Шуйского в Иванове, в его «Саду акклиматизации» растут «лимонник» из лиановых лесов Дальнего Востока, известный нам по запискам В. К. Арсеньева, бархатное дерево, орехи, миндаль, много лекарственных растений, каучуконосы. Л. П. Шуйский вырастил и испытал около тысячи видов. С растениями он работает с 1920 года.

В городском парке имени 1905 года, на участке в 3,5 гектара, зеленеет Дендрологический сад — детище лесовода Малиновского. Здесь есть ореховые деревья, сирени, шесть разновидностей клена, барбарисы. Вечнозеленая магония в течение лета меняет несколько раз окраску листьев. Магония обычно растет в Центральной Азии.

В Иванове хорошо прижилась уроженка Америки — аморфа, красивый декоративный кустарник. Материалы Дендрологического сада, наблюдения, накопленные за двадцать лет, снова говорят о том, что Окско-Цнинский вал—благодатнейшая почва для работы с новыми растениями. Все шестьсот видов садовых растений, в большинстве цветов, привезенных в последние годы из Западной Европы и с юга СССР, прекрасно прижились и размножились в Иванове.

Но плохо то, что городские организации при озеленении Иванова боятся «связываться» с многолетними культурами под тем предлогом, что с ними якобы «много возни».

С тем материалом, который выращен в Дендрологическом саду, можно весь город превратить в цветущий сад. Но почему-то порога питомника до сих пор не могут перешагнуть десятки тысяч этих растений!

В последнее время друзья садоводства в Иванове высказали пожелание, чтобы сад, любовно взращенный тов. Малиновским, был превращен в Ботанический. Для этого есть все основания. Не только Иваново и Ивановская область, но и города соседних областей получили бы замечательное научное учреждение. Но вопрос о Ботаническом саде до сих пор остается открытым, и хлопоты мичуринцев и краеведов остаются без ответа...

В Иванове хорошо известна работа И. И. Князева, мичуринца, имеющего замечательный вишневый сад на Третьей линии в пригороде Соснево. Вам могут назвать также имена садоводов В. Е. Лодеровского, Н. Н. Хачидовича, А. А. Михайлова и др.

В последнее время здесь усилилась исследовательская работа. На разнообразие плодов и ягодных культур Окско-Цнинского вала и их высокие урожаи обратили внимание не только агрономы, но и геологи. Так, геолог А. И. Борисов ведет исследования недр вала с особой целью — установить причины, содействующие такому повышенному плодородию. Уже накоплены замечательные наблюдения о присутствии в области источников, исцеляющих ревматиков. Окрестности этих целебных источников и отличаются разнообразием растительных форм.

Местными учеными составлена библиография литературы о полезных растениях Ивановской области, в которой описано 711 видов.

Научным обществом краеведения подготовлен к печати сборник «Растительные ресурсы Ивановской области».

Так трудятся мичуринцы в зеленых садах Окско-Цнинского вала. Им надо заботливо помогать, а пока что в Иванове советские организации этого не делают. И это совершенно недопустимо.

Каждый новый сорт плодового дерева, каждое растение — всенародное достояние. Колхозникам нужны морозоустойчивые яблони и вишни, арбузы и дыни, горожанам — красивые, широковетвистые, тенистые деревья и кустарники. Есть в Иванове местные научные силы, которые уже сейчас могут дать в колхозы саженцы плодовых деревьев, а городам — декоративные растения. Надо поставить это дело широко, по-государственному. Тысячи колхозников и жителей Иванова, районных городов будут признательны за это мичуринцам и местным советским организациям.

ИВАНОВО

По следам неопубликованных писем

Читатель А. Власов из Йошкар-Олы обратился в «Литературную газету» с письмом, в котором жаловался на то, что помещение научной библиотеки Марийской автономной советской республики занято школой политпросветработы.

Редакция направила это письмо в Марийский обком ВКП(б). Секретарь Марийского обкома по пропаганде тов. Ларионов сообщил редакции, что помещение республиканской библиотеки освобождено и научной библиотеке созданы нормальные условия для работы.

* * *

Читатель В. Максимов из Рязани написал нам о том, что здесь издан путаный и неряшливый телефонный справочник. Редактором справочника являлся ответственный редактор областной газеты тов. Михайлов.

Секретарь Рязанского обкома ВКП(б) по пропаганде тов. Каткова сообщает нам, что факт выпуска недоброкачественного «Списка абонентов рязанской городской телефонной сети на 1948 год» был обсужден на бюро обкома. Виновные в выпуске негодного справочника наказаны. Дальнейшая реализация «Списка абонентов» прекращена.

* * *

Колхозник Е. Колоколов из деревни Паршино, Фатежского района, Курской области, жаловался на то, что в их районе почти невозможно посмотреть кинокартину. Редакция направила это письмо министру кинематографии РСФСР.

Министр кинематографии РСФСР тов. Копытов сообщил, что в ряде районов Курской области кинообслуживание населения до последнего времени было нерегулярным. Об'ясняется это тем, что в районах мало стационарных источников света и питание электротоком киносети происходит от передвижных электростанций.

В Фатежском районе есть одна кинопередвижка. Для улучшения кинообслуживания населения района министерство выделило комплект звуковой киноаппаратуры и одну передвижную электростанцию.

Вместе с тем министерство решило выделить для Курской области в третьем квартале текущего года 20 кинопередвижек и в четвертом квартале—26 кинопередвижек с электростанциями.

В связи с 25-летием Бурят-Монгольской АССР старейший советский писатель республики, депутат Верховного Совета СССР Х. Н. Намсараев награжден орденом Ленина.

Хоца Намсараевич Намсараев—талантливый поэт, драматург и новеллист — родился в Бурят-Монголии в 1889 году в бедной крестьянской семье. По словам самого поэта, до революции он не имел никакого представления о литературе. Единственное, что он тогда знал, были песни народных певцов.

Сейчас Хоца Намсараев — автор почти шестидесяти произведений разных жанров, широко известных бурят-монгольскому народу.

Особенно популярны его поэма «Слово старого тэлэна», сборник новелл «Так было», повести «Цыремпил», «Однажды ночью» и повесть о подвигах воинов бурят-монголов в Великой Отечественной войне—«Стрелы золотой наконечник».

НА СНИМКЕ: Председатель Президиума Верховного Совета Бурят-Монгольской АССР Д. Ц. Циремпилон от имени Президиума Верховного Совета СССР вручает орден Ленина писателю Х. Н. Намсараеву.

Фото М. Минеева (ТАСС).

Об'единить дело протезирования

Статья писателя А. Югова ставит злободневные и острые вопросы, связанные с практикой протезирования в стране. Многочисленные факты, известные мне, как и любому человеку, работающему в области протезирования, подтверждают, что основные положения, выдвинутые А. Юговым, целиком правильны, а предложения, сделанные им, требуют немедленного претворения в жизнь.

Мы, работники по протезированию, не удовлетворены результатами, достигнутыми в нашем деле, хотя результаты эти велики и серьезны. Мы считаем себя в долгу перед народом, перед нашими людьми, ибо страна оказывает нам всестороннюю и щедрую помощь. Я не помню случая, чтобы какая-нибудь наша просьба не была уважена. Многие не знают или запамятовали такой характерный штрих: в 1942 году, в самый напряженный момент войны, по распоряжению правительства все специалисты-протезисты были демобилизованы из армии и возвращены на заводы и в институты.

Недавно работники Центрального института травматологии и ортопедии предприняли обследование нескольких сот инвалидов, проживающих в Москве. На что жаловались нам инвалиды? И на неполноценность культи, и на плохую подгонку протезов, и на их чрезмерную тяжесть, и на недостаточную прочность.

Некоторые недочеты, хоть и серьезны, но их можно быстро устранить: для этого надо навести большевистский порядок на протезных заводах, повысить чувство ответственности их руководителей. Но в большинстве случаев причины более глубоки и являются результатом того, что дело протезирования у нас разобщено: инвалид лечится в учреждениях здравоохранения, а протезируется на предприятиях Министерства социального обеспечения. Таким образом, единый процесс восстановления трудоспособности человека оказался расчлененным между двумя ведомствами.

Иной раз наблюдаешь следующее: культя у инвалида в порядке, протез добротен, а ходит он на костыле. Об'ясняется это очень просто. Никто не обучал инвалида пользоваться протезом. По нашему глубокому убеждению, обучить человека пользоваться протезом не менее важно, чем оперировать его или снабдить искусственной конечностью. Обучение инвалида требует глубоких теоретических познаний, педагогических навыков, терпения и настойчивости. Это напряженный, но очень благородный труд, — он как бы завершает весь восстановительный комплекс — человек по-настоящему становится на ноги! Тем более обидно, что обучение — это основное звено в восстановлении трудоспособности — оказалось беспризорным. Ни одно из двух Министерств им, по существу, не занимается. Только равнодушные к судьбам инвалида люди могут считать обучение «неинтересным» делом. К сожалению, институты протезирования Министерства социального обеспечения таких больных принимают неохотно, предпочитая ортопедических больных, которым можно сделать «интересные операции».

Два института Министерства социального обеспечения—Московский и Ленинградский — должны заниматься вплотную вопросом протезирования. На практике они не загружены своим прямым делом, а дублируют деятельность 16 институтов ортопедии и восстановительной хирургии, которые находятся в системе Министерства здравоохранения.

Я целиком поддерживаю предложение А. Югова о целесообразности об'единить все дело протезирования в одних руках.

Нам нужен единый всесоюзный орган, который направлял бы все дело протезирования в стране. Авторитетные указания Ученого совета должны быть обязательными для всех работников наших учреждений и протезных предприятий. Тогда мы быстро покончим с разнобоем в конструкциях и методике.

Профессор Д. ЛАБОК,
доктор медицинских наук.

БОЛЬШЕ БУМАГИ СТРАНЕ!

Необычайная история одного изобретения

Бумагу, на которой напечатан этот номер газеты, изготовляет машина, стоящая миллионы рублей. За час она дает столько бумаги, сколько необходимо, чтобы отпечатать 300 тысяч экземпляров газеты.

Машина эта должна работать круглые сутки без перебоев. Должна работать, но не всегда работает, — ее часто останавливают. И вот почему. Одной из наиболее важных частей в одежде машины является сетка, с помощью которой обезвоживается бумажная масса и формуется бумажный лист.

Сетку, которую надевают на машину, ткут из особой стойкой, тончайшей бронзовой проволоки в виде бесконечного полотна. Размеры машин в Ленинграде и на Балахне, на Каме и в Кондопоге в большинстве случаев разные — сетка должна подойти для каждой машины. Самая сложная, самая трудоемкая операция — это соединение сетки в бесконечное полотно. Никакой из существующих механизмов не в состоянии выполнить эту подлинно ювелирную работу. Нужно добиться, чтобы шов не резал бумажное полотно и не давал на нем отпечатков. Число бронзовых волосков по ширине сетки доходит до двадцати тысяч. И нужно соединить их друг с другом с абсолютной точностью — только тогда шов будет равно прочным по всей ширине.

Существуют два метода соединения сетки: первый — пайка, второй—сшивание бронзовой нитью. Оба метода несовершенны: требуют много времени и связаны с простоями. Вот почему инженеры заводов, где изготовляется сетка, давно стремятся найти совершенные методы соединения сетки в бесконечное полотно.

Незадолго до войны электропромышленность занималась изысканием более совершенных методов соединения сетки. В работах приняли тогда участие видные представители науки и техники, среди них — инженеры одного из ленинградских заводов Л. И. Козловский и П. А. Каяндер, которые предложили применить оригинальный метод электрической сварки. Для этого нужно было сконструировать специальный сварочный аппарат. Задача осложнялась тем, что аппарат должен был автоматически безошибочно сваривать между собой каждый из многих тысяч бронзовых волосков — первый с первым, какой-нибудь пятьсот восьмой с пятьсот восьмым, тысячный с тысячным.

Незадолго до того американская пресса подняла шум по поводу изобретения некоего Антонио Лангориа, предложившего сваривать тонкие листы цветного металла какими-то «невидимыми лучами». В специальных журналах появились статьи, в которых сообщалось, что изобретатель уступил свой патент за несколько миллионов долларов одной из кливлендских фирм, изготовляющих бронзовые сетки. Когда инженер Козловский получил возможность исследовать шов Лангориа, он от души посмеялся. Под «невидимыми лучами» Лангориа скрывались... широко известные в технике способы электросварки.

Козловский продолжал поиски своего оригинального метода сварки, и ему удалось найти такой метод.

Конструирование опытной установки шло удачно. Установка получалась компактной, простой в исполнении, и первые опыты сварки небольших кусков сетки принесли авторам огромное удовлетворение. Они продолжали улучшать шов. Но оказалось, что установка не всегда ведет себя послушно. И сотый, и тысячный, и двухтысячный волоски сваривались с тем же сотым, и тысячным, и двухтысячным, но какой-нибудь две тысячи триста шестой вдруг капризничал и стремился соединиться с триста седьмым. А даже такая ничтожная, казалось, ошибка вела к неудаче.

Козловский, убедившись в преимуществах своего метода сварки, стремился разгадать причины каприза опытной установки. Помогла ему, как часто бывает, случайность.

Однажды у себя дома он, разглядывая увеличенные фотоснимки образцов сваренной сетки, увидел на этих волосках ворс, с трудом различимый в натуре; на фотографии, увеличенной в двадцать раз, разглядеть его не так уже было трудно. В ворсе и заключалась причина непослушания агрегата! Ворс, как говорится, «сбивал» установку, значит надо его уничтожить. Так решил Козловский. И метод уничтожения ворса возник тут же. Перед сваркой Козловский просто опалил ворс, как палят щетину. Для этого потребовался дополнительный аппарат, установленный на том же агрегате.

14 мая 1941 года в «Правде» (№ 132) появилось сообщение о создании Козловским и Каяндером нового метода сварки сеток для бумагоделательных машин, благодаря которому удавалось сваривать сетку со скоростью около 8 метров в час. Шов получался настолько прочным, что срок службы сетки намного увеличивался.

Если бы не война, производительность бумажных машин на советских фабриках давно уже была бы значительно выше существующей сегодня. Но завод, где изготовлялась опытная установка, был эвакуирован во время блокады. Перед самой эвакуацией Козловский отдал единственный экземпляр чертежей опытной установки одной из сотрудниц с просьбой снять копии. Сотрудница умерла во время блокады Ленинграда. И чертежей этих больше не существует...

Такова история важного изобретения тт. Козловского и Каяндера. Давно окончилась война, но ни электропромышленность, ни бумажная промышленность не предприняли никаких мер к тому, чтобы возродить метод, предложенный инженерами.

Козловский перешел в другую отрасль, Каяндер работает в Новосибирске. Они заняты другими делами, а... бумажная промышленность продолжает страдать из-за отсутствия аппарата, способного сваривать сетки бумагоделательных машин.

Не настала ли пора разыскать конструкторов и попросить их заняться снова крайне важным и нужным стране делом?

Ник. ЛЕБЕДЕВ

От редакции: Получив статью тов. Лебедева, мы командировали в Ленинград специального корреспондента, который встретился с инженером Л. И. Козловским.

— Исследовательская работа по сварке сеток, — заявил т. Козловский, — была доведена накануне войны вплоть до сооружения опытной установки. Мне и работавшему со мной инженеру Каяндеру удалось разработать новый метод, ничего общего не имеющий с существующими зарубежными способами сварки сеток.

Испытание опытной установки в присутствии авторитетных специалистов показало тогда, что наш шов значительно прочнее американского и сварка сетки происходит в несколько раз быстрее. Комиссия составила акт, в котором зафиксировано, что при сварке по американскому способу прочность сеточного шва не превышает 75 процентов прочности основного материала (из которого делается сетка), а наш шов показал прочность в различных условиях опробования 96—100 процентов.

— Возможно ли восстановить чертежи и погибший агрегат? — спросил инженера Козловского наш корреспондент.

— Да, это вполне возможно, — последовал ответ. — У меня, к счастью, сохранились предварительные материалы. Я смогу их несколько видоизменить, дополнив новыми усовершенствованиями, использовав последние достижения техники.

— Что же для этого вам нужно?

— Для того, чтобы снова начать конструирование агрегата для сварки сеток, нужно организовать конструкторское бюро из 3—5 человек. При этом условии можно гарантировать создание уже в 1949 году такой установки для сеточного завода бумажной промышленности. Я с радостью примусь за свою прежнюю деятельность, если для такой работы будут созданы необходимые условия, — сообщил в заключение изобретатель.

Бумажники должны немедленно принять меры к тому, чтобы двинуть вперед это важнейшее дело. Время не терпит! Нужно сделать все, чтобы поскорее вооружить предприятия, выпускающие бумагу, сетками со сваренным по оригинальному методу швом. Изобретение тт. Козловского и Каяндера сулит огромную экономию народному хозяйству и открывает новые пути.

Мы уверены, что министр лесной и бумажной промышленности тов. Г. М. Орлов заинтересуется изобретением инженеров Козловского и Каяндера и создаст условия для его реализации.

В. ОЗЕРОВ

Неудавшийся сборник

С большим интересом открывает читатель эту об'емистую книгу — сборник статей «Советская литература». В нее включены восемь крупных статей, пять из которых посвящены лучшим представителям социалистического реализма — Горькому, Маяковскому, Фадееву, Шолохову, Н. Островскому.

Все статьи сборника, по замыслу составителей, должна об'единять общая идея — принцип партийности литературы. В качестве предисловия помещено выступление газеты «Культура и жизнь» «О большевистской партийности советской литературы». С точки зрения партийности рассматривает коренные проблемы нашего искусства А. Фадеев в статье «Задачи литературной теории и критики».

Насколько же соответствуют остальные статьи сборника его целям?

Хорошее впечатление оставляет содержательное исследование Н. Маслина «Основные этапы творческого развития Владимира Маяковского». Это одна из первых серьезных попыток уяснить творческую эволюцию великого советского поэта, диалектику его идейного и поэтического роста. Не затушевывая отдельных ошибок Маяковского, Н. Маслин в то же время убедительно доказывает, что «Маяковский стал основоположником социалистической поэзии под живительным влиянием великих идей большевистской партии».

К сожалению, другие статьи сборника по своему идейному уровню стоят намного ниже этой работы.

Статья Б. Бялика называется «А. М. Горький и принцип партийности литературы». Используя богатый фактический материал, автор показывает, как ленинские идеи определили собой основное содержание творчества Горького. Однако Б. Бялик рассматривает партийность не как главный, основной принцип, идейную основу нового творческого метода, а лишь как отправной, «исходный пункт метода социалистического реализма».

Рассказав об идейном воздействии большевистской партии на Горького в эпоху 1905 года, автор статьи дальнейшее творческое развитие великого пролетарского писателя исследует уже в другом направлении: как его путь к слиянию двух начал — реалистического и романтического.

Верный своей ошибочной теории о безидейном, «бескрылом» реализме, которая уже была подвергнута критике в нашей печати, Б. Бялик настойчиво убеждает читателей, что в новую эпоху «нельзя было развивать дальше реализм... не соединяя реализм с революционной романтикой».

Образцом теоретической путаницы и литературно-критической беспомощности является статья И. Лежнева «Реализм Шолохова».

Изучение творчества Шолохова — выдающегося советского писателя — могло дать богатейший материал для широких обобщений и выводов о сущности и различных сторонах метода социалистического реализма. Но отдельные верные замечания И. Лежнева теряются среди ошибочных положений и формалистических изысков.

И. Лежнев не видит в советской литературе ее новаторской сущности, он, по сути дела, растворяет ее целиком в классической литературе. Исследователь творчества Шолохова не показал, что именно воспринял писатель из классического наследства и в чем заключается его вклад в развитие социалистической эстетики. И. Лежнев склонен считать Шолохова простым подражателем чуть ли не всем мастерам прошлого. «Без труда мы найдем в «Тихом Доне» и в «Поднятой целине», — утверждает И. Лежнев, — многочисленные отзвуки образной системы и Пушкина, и Гоголя, и Чехова, и Горького, но более всего, конечно, Льва Толстого».

Воздействие Толстого на поэтику Шолохова несомненно. Но смешно на этом основании говорить о близости творческой программы обоих художников, что со спокойной совестью делает И. Лежнев.

В чем же, по мнению автора статьи, заключается влияние Толстого на Шолохова? На это должны дать ответ бесчисленные параллели, аналогии, «толстовские образцы», «сходственные мотивы», которыми пестрит статья. Вот одна из таких параллелей: «Сходственность конфликта со средой у Анны и Аксиньи (речь идет о героинях романов Толстого «Анна Каренина» и Шолохова «Тихий Дон». — В. О.), некоторое сходство их женского темперамента и даже внешнего облика...»

Другой пример. В результате усиленных изысканий И. Лежнев обнаружил такую поразительную «параллель»: «Отношение Толстого к правдоискательству Константина Левина, отношение Шолохова к правдоискательству (?!) Григория Мелехова». Трудно поверить, что эта беззубая, аполитичная формулировка, написанная целиком в толстовском духе, принадлежит перу советского критика! Просто не знаешь, удивляться или негодовать, когда И. Лежнев столь же серьезно, сколь и безответственно сопоставляет «мечтания помещика Левина» и «мечты рабочего Давыдова о коммунизме».

Иногда, словно устыдившись собственных вульгарных схем, И. Лежнев пускается в рассуждения о том, «что в пределах (?) этого сходства обнаруживаются, однако, и черты различия». Оказывается, например, что хотя «есть что-то общее в шолоховском описании страдной поры на полях Гремячего Лога с толстовским описанием косьбы в Машкином Верхе», но чувствуется и разница в изображении этих двух сцен. «...Для Левина, — поучает наш ученый литературовед, — косьба была барской причудой... А Давыдов совершал революционный переворот в жизни деревни».

Все эти механические сравнения могли бы показаться просто анекдотическими причудами нашего критика, если бы он не пытался подвести под них своеобразную теоретическую базу. И. Лежнев уверяет, что Шолохов усвоил у Толстого ни более ни менее, как «пафос правдолюбия», «страсть обличения», а главное — «непосредственную чистоту нравственного чувства». Очень неудачно пытаясь раскрыть последнюю формулировку, которая принадлежит Чернышевскому и неправомерно вырвана И. Лежневым из контекста, автор статьи пускается в сомнительные рассуждения о совести, являвшейся «для героев Толстого безупречным мерилом добра и зла». Затем эта толстовская моральная категория, как очередной «сравнимый элемент», почти без всяких оговорок переносится на романы Шолохова. В них, — узнаем мы, — «как и у Толстого, звучит «голос совести» литературного героя». Герои Шолохова, если верить И. Лежневу, привлекают советского читателя прежде всего какой-то абстрактной «нравственной чистотой».

Естественным завершением «научных» изысканий И. Лежнева является попытка свести значение принципа партийности к столь полюбившимся ему понятиям правдолюбия и нравственного чувства. В статье написано буквально следующее: «Та чистота нравственного чувства, тот пафос правдолюбия, каким проникнуты произведения Шолохова и сердца его положительных героев, есть коммунистическая мораль и дух партийности».

И. Лежнев совершенно неправильно понимает историческое значение романа Шолохова. Идейный смысл «Тихого Дона» он искусственно суживает до «внутреннего изживания традиций сословности» у донских казаков, преодоления «казачье-сословной» патриархальности. Сложный образ Григория Мелехова предельно упрощен. В трактовке И. Лежнева Мелехов — всего лишь «необузданный казак», «носитель традиции казачьей чести».

Полнейший отрыв литературного анализа от конкретно-исторической обстановки, забвение коренного различия в мировоззрении художников двух различных эпох, формалистические приемы исследования и либеральные формулировки — вот что отличает статью И. Лежнева.

В монографических очерках К. Зелинского об А. Фадееве и С. Трегуба о Н. Островском мы находим более продуманные выводы. Безусловный интерес представляют факты из биографий писателей, которые приведены в очерках. Тем более досадно, что и в работах К. Зелинского и С. Трегуба чувствуются недостаточная глубина литературного анализа, узость теоретических выводов о творческой манере и художественном своеобразии произведений Фадеева и Островского.

В статье К. Зелинского не показано место Фадеева в истории советской литературы, очень бегло говорится о существенных особенностях его творческого метода. Фадеев, указывается в статье, «создал свой тип романа». Но этот новый «тип романа» неясен для самого автора статьи. Поэтому новаторство писателя он определяет чисто формально. «В романе Фадеева, — пишет он о «Молодой гвардии», — формирующим началом стиля является размышление (в образах и в прямой форме) о природе советского человека...»

Простой отпиской выглядит в статье абзац, в котором мельком говорится о недостатках в этом романе. Неудачу образов большевиков автор видит лишь в том, что «Шульга и Валько проваливаются на первом же этапе борьбы с оккупантами». Неужели К. Зелинский всерьез думает, что ошибка Фадеева, уделившего недостаточное внимание образам большевиков, оказалась бы меньшей, если бы Шульга и Валько провалились не на «первом этапе борьбы с оккупантами», а немного позднее?

Критический анализ произведений Островского, в особенности романа «Рожденные бурей», в статье С. Трегуба вызывает разочарование. Автору не удалось раскрыть основные художественные особенности творчества Островского. Нельзя же считать литературно-критическим разбором восторженные реплики и риторические возгласы, на которые не скупится С. Трегуб: «Разве можно не гордиться за Раймонда», «Разве можно не радоваться...» и т. д.

Особое место занимает в сборнике статья В. Кирпотина «Классическая традиция и советский роман». Рядом с очерками монографического типа — это единственная попытка решить некоторые общие проблемы развития советской литературы. Жаль только, что эта статья не показывает качественного своеобразия различных этапов развития советского романа, без чего остаются нераскрытыми все богатство и рост нашей литературы.

В статье имеются спорные, на наш взгляд, мысли и существенные неточности. Нельзя, например, согласиться с тем, что автор относит русский классический роман к «буржуазному эпосу». Вызывает недоумение стремление об'яснить эволюцию романа в прошлом чуть ли не исключительно борьбой «между частной и официальной сферами существования».

И вот сборник дочитан до конца. С чувством глубокой неудовлетворенности закрываешь книгу. Идейно-теоретический уровень ряда статей оказался очень невысоким, принцип партийности не получил в них правильного разрешения.

Гослитиздат намечает продолжить издание сборников статей и очерков о советской литературе. Это очень хорошая и полезная инициатива, и не хотелось бы, чтобы первая неудача обескуражила издательство. Залогом высокого качества последующих изданий аналогичных сборников должна быть повышенная требовательность авторов и редакторов к важному и ответственному делу изучения и пропаганды советской литературы.

«Советская литература». Сборник статей. Гослитиздат. 1948. 436 стр.

М. ДУДИН

Из книги «В степях Салавата»

МЕД

Над светлой водой Ак-Маная,
Над самой тишайшей водой,
Туман в камышах подминая,
Рассвет занялся молодой.

Туда меня ласточки манят,
Крылами звеня налету,
И душу пьянят и дурманят
Июньские липы в цвету.

Как миг этот тих и просторен,
Застыл у меня на виду.
Как утренний воздух настоен,
Замешен на терпком меду.

Я видел прозрачные воды,
Сиянье степного огня.
Разведчики и полеводы
К столу приглашали меня.

И я, забывая разлуку,
Вчерашней тревоги следы,
Садился по правую руку
Степенной седой бороды.

Я помню, что девушка пела,
Что песня была хороша.
От меда и песни хмелела
На этом просторе душа.

О, если бы мне от народа,
Который мне друг и собрат,
По капле янтарного меда
В застольную песню собрать!

СТЕПЬ

Ветер пролетает, шевеля
Легкие султаны ковыля.

Облака белее лебедей
Медленно плывут на Белебей.

В диких мальвах, поднимая нос,
Кланяется нефтяной насос.

По степям проходит, не спеша,
Друг степей, живая их душа,

Весел, коренаст и рябоват,
Бронзовый от солнца Салават.

Мимо переездов и застав
За составом тянется состав,

И перекликаются в ночи
Металлические дергачи.

ДЕСЯТИЛЕТИЕ МУЗЕЯ В. Г. БЕЛИНСКОГО

«Если б почитатели таланта Виссариона Григорьевича взглянули на этот дом, имеющий историческое значение, то не поверили бы своим глазам и пришли в ужас! Владелец этого дома, из желания получить лишних несколько десятков рублей в год дохода, сдает его весь за 300 рублей в год под трактирное заведение самого грязного и низшего сорта».

Это написано о доме В. Г. Белинского в Чембаре и напечатано в 1898 году в петербургском журнале «Живописное обозрение».

Вплоть до Октябрьской революции в доме находился трактир.

В 1937 году дом Белинского был реставрирован, а летом 1938 года в нем открылся музей. В нынешнем году музею Белинского исполнилось десять лет. Много труда и любви вложили в организацию музея жители Чембара. К своему десятилетию музей получил второе здание — уездного училища, в котором учился Белинский. Оба здания соединены аллеей, в центре которой поставлен памятник критику.

За десять лет музей Белинского посетило 135 тысяч человек. В дни столетней годовщины со дня смерти В. Г. Белинского здесь побывали еще 27.866 человек.

Словами Некрасова поблагодарил старый сельский учитель Смагин людей, которые сохранили и сохраняют дорогое для всех советских людей место. Он оставил в книге отзывов такую запись:

«Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...»

А. ХРАБРОВИЦКИЙ

гор. БЕЛИНСКИЙ.

А. ЛИТВАК

Победа за ними!

Летом сорокового года Юрий Крымов закончил повесть «Инженер». В следующем году она появилась в печати. Мы находились тогда под обаянием образа инженера Басова, талантливо нарисованного Крымовым в его первом произведении «Танкер «Дербент». Басов — новатор, руководитель коллектива — был близок нам как инженер нового времени, друг стахановцев, их советчик и организатор.

В новой повести «Инженер» — втором большом произведении писателя — мы увидели полную противоположность Басову — Григория Емчинова, человека глубоко равнодушного, не способного загореться творческим огнем. Фигура Емчинова вызывала в памяти сравнение с нарисованными Горьким образами инженеров-«дачников», живших целиком в мире мещанства, в мире, где «ползают тихонько с краю жизни тусклые, как тени, человечки». Цель жизни такого инженера заключалась в поисках «удобных мест», в стремлении к сытому благополучию. Такой инженер всюду чувствовал себя «дачником», временным жильцом.

Обыватель с партийным билетом в кармане, Емчинов, ставший руководителем треста, радуется каждому прошедшему дню не потому, что ждет следующего, а потому что этот день прошел спокойно. «Это даже хороший признак, если день прошел незаметно: значит, не было неприятностей, ха-ха! — цинично замечает Емчинов и продолжает: — Мы все — как отрывные календари, ей-богу...» И хотя Емчинов с утра до ночи суетился, раз'езжал по промыслам, он был не хозяином, а наемником.

Слушая стахановца Степана Шеина, Емчинов понял одно: «Шеин хочет, чтобы его рекорды стали обычной нормой для всех бурильщиков, а значит — перестали быть исключительной заслугой его, Шеина. Выходило, что Шеин из знаменитости хотел превратиться в обыкновенного человека. Может быть, за этим скрывалась какая-нибудь другая цель? Может быть, Шеин добивается контроля над цехами? Или он хочет выжить начальника трубной базы? Пока это оставалось неясным. Не следует торопиться и обещать Шеину поддержку, но и ссориться со знатным бурильщиком тоже не с руки».

Вот как рассуждает обыватель, который не может и не хочет понять связи между «я» и «мы», между своим и всеобщим.

Емчинову противостоит Басов из повести Крымова — «Танкер «Дербент», Басов — новатор, гражданин советской страны, в сердце которого — неугасимое чувство нового.

Емчиновы ищут путей, чтобы гладко, вежливо похоронить то или иное стахановское предложение; в тресте «Рамбеконефть», управляемом Емчиновым, люди «точно угощались» стахановцем Алексеем Петиным и «преподносили его друг другу, как новое лакомое блюдо», а на деле готовили провал его идеи.

Басов же стремится пробудить в безнадежном, казалось, коллективе чувства доблести, чести, творческие устремления. Крымов ярко показал, как открываются таланты, как проявляются на деле дружба, взаимная выручка.

В чем торжество Басова как организатора? В том, что наступает момент, когда коллектив, сплоченный им, спаянный им воедино, способен итти в наступление и без него, — Басов может заняться другими делами на другом участке, куда его пошлет партия.

Юрий Крымов вошел в литературу, как бывалый человек. Он был инженером, плавал на танкерах, работал в Баку и хорошо знал своих героев. И первая его повесть «Танкер «Дербент» и второе произведение «Инженер» были плодом зрелой мысли и больших чувств обаятельного и благородного советского писателя. Крымов любил Басовых и презирал Емчиновых — с теми и другими он встречался в жизни.

Обе повести, собранные сегодня в одной книге, могли бы иметь эпиграфом слова Серго Орджоникидзе — одного из выдающихся воспитателей кадров нашего инженерства. Выступая пятнадцать лет назад на об'единенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), Серго Орджоникидзе говорил: **«Партийность — это главное.** Нельзя забывать, что хозяйственник окружен всякими людьми — и нашими и чужими, которые пытаются на него воздействовать, пытаются разложить его. Тот хозяйственник, тот директор, тот начальник цеха, который умеет противостоять этому, сохранить целиком партийное нутро по-большевистски, — тот молодец. А тот, кто сбивается с этого пути, тот погибнет, ничего из него не выйдет. **Партийность — прежде всего и раньше всего».**

Гибнет, как руководитель, Емчинов, которому приходится покинуть пост с формулировкой «за канцелярско-бюрократическое руководство, с лишением права занимать ответственные должности», побеждает Басов, ибо действия его проникнуты глубокой партийностью, подлинным чувством нового.

Аня Мельникова в повести «Инженер», беседуя с приехавшим на промысел наркомом, простой и бесхитростной фразой открывает причины провала Емчинова:

«Вы понимаете, когда в тресте не работают, а выкручиваются, это неизбежно сказывается на общем стиле работы».

Не работать, а выкручиваться — таков стиль деятельности Емчиновых. Можем ли мы сказать, что этот стиль сегодня окончательно изжит на заводах, фабриках, шахтах, цехах, учреждениях? К сожалению, нет! Встречаются еще хозяйственники и инженеры, зараженные стремлением «выкручиваться», а не работать.

«Танкер «Дербент» появился десять лет назад, повесть «Инженер» — за несколько месяцев до войны. И сегодня, перечитывая эти произведения, мы убеждаемся в том, что Крымов с нами, как «живой с живыми», говорит. Ибо повести «Танкер «Дербент» и «Инженер» глубоко отражают «ту особенную форму борьбы между старым и новым, между отживающим и нарождающимся у нас в советском обществе, которая называется критикой и самокритикой» (А. А. Жданов). Именно критика и самокритика помогают разоблачить Емчиновых, утверждают линию Басовых, поднимают на трудовой подвиг скромных матросов «Дербента», выдвигают смелого новатора мастера Шеина, помогают Ане Мельниковой прозреть и увидеть Емчинова во всем его неприглядном обличии. Социалистическое соревнование масс, выступающих против установленных канонов, против отживших норм, является замечательной формой деловой критики и самокритики. И это блестяще показал в своих повестях Юрий Крымов, писатель, инженер, боец.

Поэтому и в наши дни, когда идет борьба за осуществление послевоенной пятилетки в четыре года, эти две повести, вышедшие в годы предвоенных пятилеток, звучат, как произведения, написанные сегодня. Шеин, ставший вместо Емчинова руководителем треста, обращается к инженеру Стамову с таким словами:

«Если веришь в свое дело, надо его отстаивать. Надо спорить, доказывать и рисковать. Обязательно надо рисковать и драться».

Вдохновенные слова и дела любимых Ю. Крымовым героев обращены в сегодняшний день, к строителям первой послевоенной пятилетки. Каждой своей строкой Крымов сегодня утверждает торжество новаторов и предсказывает полный провал и поражение обывателя, у которого атрофировано чувство нового.

Жизнь идет вперед, и в жизни торжествуют Басовы, Шеины! Они глубоко, страстно, по-партийному, по-советски отстаивают новое. За ними победа!

Юрий Крымов. «Повести». «Советский писатель». 1948. 336 стр.

Б. ЯКОВЛЕВ

По старому рецепту

Поэтическая летопись страны социализма — так можно было бы назвать собранные воедино произведения лучших советских поэтов. Наша поэзия запечатлела величие социалистической революции, воссоздала духовный облик ее гениальных вождей. Она вдохновенно повествовала о героике гражданской войны и мирного социалистического строительства. Она увлекательно рассказала о поднятой целине новой колхозной жизни. Знаменосец и глашатай советского патриотизма, она посвятила свои самые проникновенные строки социалистическому отечеству, раскрыла богатый духовный мир советского человека, его чувства и думы. Наша поэзия держала суровый экзамен в годы Великой Отечественной войны и блистательно выдержала его. Честно служит своему народу она и ныне, в пору победоносного выполнения послевоенной пятилетки. Лучшие советские поэты снова, как и всегда, с народом — на стройках и на заводах, в шахтах и на колхозных полях.

За три десятилетия советская поэзия прошла большой и сложный путь. Борясь против декадентских школок, против футуризма, имажинизма, конструктивизма и прочих антинародных формалистских течений, она шла к социалистическому реализму. Все богатство поэтических жанров поставила она на службу коммунистическому воспитанию народа.

Давно уже настало время собрать воедино лучшие образцы новаторского по своей природе советского поэтического искусства. Именно эту задачу попытались решить составители сборника «Русская советская поэзия». Они включили в книгу свыше четырехсот стихотворений, принадлежащих перу 102 наших поэтов. Наряду с классическими произведениями М. Горького и В. Маяковского в книге напечатаны стихи авторов, лишь недавно вступивших на многотрудное поэтическое поприще. Представлена на страницах сборника и советская поэзия для детей — одно из величайших завоеваний нашей культуры.

Читатель найдет в сборнике и чудесную горьковскую поэтическую сказку «Девушка и смерть», о которой товарищ Сталин сказал, что ее жизнеутверждающая философия «сильнее, чем «Фауст» Гете», и высоко оцененное Лениным стихотворение Маяковского «Прозаседавшиеся», отрывки из его поэм «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо!», «Главную улицу» Демьяна Бедного, лучшие поэмы Н. Тихонова, среди них широко известные советскому читателю — «Сами», «Киров с нами» и другие, «Думу про Опанаса», «Смерть пионерки» Эдуарда Багрицкого, «Мать» Н. Дементьева.

Поэты разных поколений, различных творческих направлений представлены в сборнике. Из года в год поет советская молодежь «Молодую гвардию». Многие и не знают, что слова этой песни двадцать лет назад написал А. Безыменский. «Молодая гвардия» напечатана в сборнике вместе с «Гармонью» А. Жарова, «Песней о Каховке» М. Светлова, «Железняком» М. Голодного.

В книге помещены произведения лауреатов Сталинской премии — «Песня о Сталине» М. Исаковского и другие стихи поэта, отрывки из поэм «Пулковский меридиан» В. Инбер, «Василий Теркин» А. Твардовского; стихи Маргариты Алигер, С. Маршака, А. Суркова, П. Антокольского, К. Симонова, А. Софронова и других.

Сборник знакомит читателей и с творчеством молодых поэтов, недавно пришедших в нашу поэзию, — с поэмой А. Недогонова «Флаг над сельсоветом», стихами С. Гудзенко, М. Луконина, С. Орлова.

Все же сборник мог бы дать более всестороннее представление о богатстве и многообразии нашей поэзии, если бы не грубые ошибки, допущенные его составителями.

Можно подумать, что они пользовались своеобразной рецептурой находчивого кулинара, обслуживавшего своей стряпней гоголевского Ноздрева.

«...Повар руководствовался более каким-то вдохновением и клал первое, что попадалось под руку: стоял ли возле него перец — он сыпал перец, капуста ли попалась — совал капусту, пичкал молоко, ветчину, горох, словом катай-валяй, было бы горячо, а вкус какой-нибудь верно выйдет...»

В сборнике, озаглавленном «Русская советская поэзия», должны были быть представлены только самые лучшие ее достижения, получившие по заслугам признание народа. Составители же пошли по иному пути. Они задались целью во что бы то ни стало включить в сборник произведения поэтов «числом поболее».

В книгу включено около сорока стихов, которые вызывают недоумение, а порой и справедливое негодование читателей. Особенно примечательно в этом смысле весьма своеобразное «кредо» Ильи Сельвинского.

В стихах этих, называющихся «Великий океан», поэт провозглашает свое высокомерное, снобистское отношение к русскому языку. Вот декларативное признание Сельвинского, которым открывается подборка его стихотворений:

Как скучно творить все смирней и смирней
На одном языке, истощенном, без соли...
Я хотел бы сказать: «Le soleil mariné».
А должен сказать: «маринованное солнце».

Трудно поверить, что стихотворение, в котором Сельвинский высокомерно называет русский язык «истощенным», лишенным поэтической «соли», перепечатывается в 1948 году. На тех же стихах Сельвинского есть и другие родимые пятна декаданса — сугубо формалистские словесные эксперименты.

О, океан, омывающий облако
Океанийских окраин.
Овевающий о бок и около,
Острым озоном играя!

Формалистическая беда, согласно известной пословице, никогда не ходит одна. И, действительно, Сельвинский вслед за словесными выкрутасами совершает незамедлительно и более серьезные ошибки. Советский город для его лирического героя — это лишь «город, клопиный, косой». Вслед за множеством декадентов поэт повторяет их любимое утверждение: «Все прах и тлен», перекликаясь неожиданно с глубоко пессимистическими, упадочными стихами Сергея Есенина, писавшего в 1921 году:

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвесть и умереть.

И эти стихи, прямо противоположные всему духу советской поэзии, поэзии революционного оптимизма, не стоило включать в книгу. Отметим, кстати, что составители проявили почему-то упорное влечение именно к пессимистическим строкам некоторых поэтов, отнюдь не характерным для их творчества в целом. Даже поэт неистощимой жизнерадостности и бодрости — Демьян Бедный представлен в сборнике одним из самых своих неудачных стихотворений, озаглавленным «Печаль» и посвященным соответственно «несказанной печали», «власти черных дум», «скорбных мыслей» и т. д.

Демьян Бедный быстро преодолел минутное настроение и, по собственному признанию, не умножил собою «печальных нытиков числа», а составители зачем-то увековечили не лучшее, а худшее в наследии выдающегося революционного поэта, которому товарищ Сталин писал летом 1924 года: «Это очень хорошо, что у Вас «радостное настроение». Философия «мировой скорби» не наша философия. Пусть скорбят отходящие и отживающие».

Не пожалев страниц сборника для воспроизведения «Печали», составители в то же время крайне скупо (лишь одним единственным стихотворением!) представили произведения Демьяна Бедного периода Великой Отечественной войны, когда его стихи снова обрели прежнюю, лишь на время утраченную, могучую агитационную силу. Тот же упрек можно высказать и в связи с подборкой стихов Иосифа Уткина. И здесь боевым стихотворениям поэта — участника Великой Отечественной войны предпочтена его печально знаменитая «Гитара».

Заслуживают осуждения и некоторые другие ошибки составителей. По их заявлению, они стремились «собрать в одной, сравнительно небольшой книге поэтические произведения, в которых с наибольшей идейной глубиной и художественным совершенством воплощена наша эпоха». К сожалению, во многих произведениях, вошедших в сборник, нет ни того, ни другого: ни идейной глубины, ни художественного совершенства.

«Наибольшей идейной глубиной» составители весьма неправомерно наделяют произведения Велимира Хлебникова, многие, глубоко чуждые советским людям стихотворения Сергея Есенина. Наряду с отрывками из поэмы «Двенадцать» Александра Блока в сборнике нашло себе место стихотворение «Пушкинскому дому», проникнутое охватившими уже тяжело больного поэта отсталыми настроениями.

Крайняя степень политической незрелости отличает многие включенные в сборник стихи Бориса Пастернака. Даже в лучшей своей поэме — «Девятьсот пятый год» автор характеризует рабочие собрания, устроенные провокатором царской охранки Георгием Гапоном, как «родильный приют», где

...в некрашеном сводчатом чреве
Бьется об стены комнат
Комком неприкрашенным
Век.

Нет, «родильным приютом» века, если уж придерживаться этой весьма неудачной поэтической метафоры, отнюдь не были провокаторские предприятия охранки. И здесь сказалось то самое глубокое идейно-политическое невежество Пастернака, которое подсказало ему такие строки об итогах всемирно-исторических событий Великой Отечественной войны:

Все дымкой сказочной подернется,
Подобно завиткам по стенам
Боярской золоченой горницы
И на Василии Блаженном...

Только совершенно утратив чувство исторической действительности и понимание масштаба событий, можно сказать, что невиданные в истории человечества подвиги героев Отечественной войны «дымкой сказочной подернутся».

Трудно отыскать декларированное составителями «наибольшее художественное совершенство» в полузаумных строках Михаила Зенкевича, которые автор умудрился посвятить памяти Пушкина.

Мороз... Мороз...
Морозило сто лет... сто лет...
Мир рос... Мир рос...
Сто лет... Сто лет...

Весьма далеки от художественного совершенства и отрывки из поэмы «Степан Разин» Василия Каменского со всеми футуристскими выкрутасами, казалось бы давным-давно преодоленными самим поэтом.

И все это печатается рядом с вдохновенными строками Горького, Маяковского, рядом с множеством чудесных стихотворений советских поэтов, поистине «хороших и разных».

* *
*

Повидимому, составители сборника недостаточно требовательно и серьезно, недостаточно творчески отнеслись к своей работе. Об этом можно только пожалеть, ибо сборникам лучших произведений русской советской поэзии, так же как и поэзии других братских народов, суждена радостная встреча со стороны многомиллионного советского читателя. Необходимо только тщательнее и взыскательнее отбирать произведения, руководствуясь не случайными соображениями, а интересами народа, задачами коммунистического воспитания.

«Русская советская поэзия». Сборник стихов. Составители Л. Белов, В. Перцов, А. Сурков. Гослитиздат, 1948, 942 стр.

ПРЕЗИДЕНТ И ЕГО БОСС

Николай ПОГОДИН

1. НА МОГИЛЕ СТАРОГО ДРУГА

В 1945 году в городе Канзасе на больничной койке одиноко умер хмурый и молчаливый старик Том Пендергаст. Это был уголовный преступник с клеймом каторжника, кого могли принять в свою компанию только подонки общества.

Дать краткую характеристику личности усопшего — дело нелегкое. Сказать, что умер крупнейший гангстер Америки,—значит, сказать очень мало. В центре «преступного коридора», каким является Канзас и куда при жизни покойного даже не допускались гангстеры восточных штатов, ибо для бандитов «среднего запада» они были недостаточно закалены, — в этом мире Пендергаст правил поистине, как монарх. Но и эта хорошо организованная монархия являлась лишь «подсобным хозяйством» Большого Тома.

Вот какой старичок умер в штате Миссури три с лишним года назад.

«Красная Армия подходила к Берлину... В Вашингтоне царило возбуждение, но тогдашний вице-президент Соединенных Штатов отложил в сторону все свои дела и на армейском бомбардировщике вылетел в Канзас, чтобы присутствовать на похоронах Пендергаста. «Он был моим другом, а я был его другом», — сказал он репортерам.

Этими словами Гарри Трумэн подтвердил свою верность боссу, который привел его к власти. Верность боссу не кончилась у погребального катафалка, не там она и зародилась».

Настоящие строки взяты с первой страницы книги Мориса Миллигэна «Миссурийский вальс». В дальнейшем мы также будем пользоваться материалами этой поразительной книги, вышедшей недавно в Нью-Йорке, книги, которую можно было бы назвать фантастическим уголовным романом, если бы ее сочинил романист. Но дело в том, что книгу написал не романист, а прокурор, назначенный в 1934 году на эту должность в «империю Пендергаста».

«Я хочу в самом начале ясно заявить,— пишет он, — что я не писатель. Я — юрист, и, следовательно, больше интересуюсь фактами, чем вымыслом. Мне коечто известно...» «Биографы могут стремиться свести к минимуму значение политического союза между Томом Пендергастом и Гарри Трумэном, но история остается историей, нельзя затмить факт лишь желанием забыть о нем», — заключает автор, заканчивая книгу.

И Морис Миллигэн не только разоблачает эту удивительную связь, но дает также широкую картину нравов, обычаев и традиций политической жизни современного капиталистического общества.

Рисуя этот страшный мир, автор книги волей-неволей, по непреложной логике фактов, не может отделить самых от'явленных преступников, которых он ловил и сажал в тюрьму, от самых видных людей в государстве.

Морис Миллигэн — юрист и прокурор— становится в тупик перед тщетностью своих усилий. Зачем, спрашивается, он раскрыл столько преступлений, подвергаясь риску смерти от руки «ребят» Большого Тома, зачем он разгромил «преступную политическую машину Пендергаста» и, наконец, посадил самого босса за решетку, если в этом страшном мире ничего не изменилось?

Том передал «дело» своему племяннику Джиму, и на свежей могиле встретились живые друзья—Джим Пендергаст и Гарри Трумэн, как хранители и продолжатели традиций покойного.

«В кабинете Джима Пендергаста сейчас висит портрет президента Трумэна, снабженный следующим автографом: «Джеймсу М. Пендергасту — другу, товарищу и советнику».

Куда же дальше?

2. ДИНАСТИЯ КАБАКА

Основателем «династии Пендергастов», и по сей день благополучно управляющей миссурийской «политической машиной», был Джим Пендергаст — старший брат Большого Тома.

Когда в кабачке Джима Пендергаста молодые люди слишком напивались, он брал извозчика и отправлял их к пастору. Пастор читал молодым людям проповедь, брал зарок и угрожал анафемой. Простодушные люди не понимали, зачем содержателю кабака бороться с алкоголизмом, но потом, через много лет, когда Джим стал боссом организации демократической партии города, он с упоением говорил:

— В этом и есть все искусство босса, господа!

Босс — по-русски хозяин. Его личность в простом народе должна быть окружена легендами добрых дел. И сколько добропорядочных семей восхваляли искусного кабатчика, голосовали за него самого и за его списки на муниципальных выборах и, наконец, пожертвовали деньги его «молодцам», соорудившим в Канзасе бронзовую статую Джима Пендергаста, окруженного детьми...

Бронзовая статуя трактирщика на глаз самих канзасцев — штука карикатурная. Но ведь и «боссизм» есть не что иное, как шничная карикатура не то что на демократию, но и на всякое подобие демократических свобод. Автору книги «Миссурийский вальс», занимавшемуся непосредственно «политической машиной Пендергаста», пришлось проникнуть в старинные традиции этого общественного зла и с ужасом установить, что зло неизлечимо.

Еще в 1915 году в Америке писали, что «в политической жизни Канзаса господствует банда, уверенная в своей безнаказанности». Эта банда господствовала и совершенствовалась не год и не два, а целое полустолетие, обзавелась своим памятником, а теперь последний ее предводитель получил президентские награды.

Эта банда и есть действующая машина партийно-политической организации американских демократов.

Любой американец при словах «политическая машина» знающе покачает головой; нашему читателю надо хотя бы вкратце об'яснить, что это такое, иначе он никак не поймет, что к чему в этом типично американском явлении.

Прежде всего следует отбросить все обычные партийные представления. Никаких программ и тем более идей не надо связывать с понятием политической машины. Том Пендергаст — наиболее типичный из политических боссов Америки— оставил по этому поводу следующее «поучение»: «Политика это такое же деловое предприятие, как и всякое другое».

Освободившись от идеалов, уже легче представить себе это «деловое предприятие» с точки зрения моральных уз, связывающих его участников. В чем же суть дела и в чем его конечные цели?

Это прежде всего борьба за выборные должности в муниципалитете, штате и, наконец, борьба за продвижение «своих людей» в сенат и правительство Соединенных Штатов.

Всякое действительно деловое предприятие, если оно стремится к процветанию, не может строиться на песке. Основной капитал данного предприятия — это его голоса на выборах. Легко понять, что сей капитал зыбок и ненадежен, если его не прибрать к рукам. И вот для того, чтобы дело процветало и голоса избирателей находились в надежных руках, и создается «политическая машина». Во главе этой машины и стоит босс, человек, руководящий демократической партией. Таким главарем демократической партии в Канзасе и был Том Пендергаст.

Как босс без «машины», так и «машина» без босса не существует. «Машиной» могут управлять только закаленные люди. Босс не только должен держать в повиновении свою «боевую гвардию», которая обеспечивает успех на выборах, но должен также заставлять повиноваться себе тех, кому досталась власть. Иначе незачем огород городить. Это закон для подобной шайки. Ни при каких обстоятельствах политическая машина не может добиться серьезных и стабильных успехов, если она не будет располагать кадрами людей, которые либо уже сидели за решеткой, либо готовятся сесть за нее. Организация опирается, главным образом, на «участковых капитанов», которые неусыпно следят за жизнью своего избирательного участка, районы располагают своими боссами, а наверху правит «хозяин».

«В Канзас-Сити, — писал журнал «Либерти» в 1938 году,—триста церквей, и одному богу известно сколько игорных домов... Проституция и азартные игры — это то масло, при помощи которого смазывается машина, управляющая большим городом».

Грандиозный мир притонов держал в своих руках итальянец Джонни Лазиа — «король шулеров и бандитов», извлекавший через своих сборщиков миллионные доходы от многосторонних прибылей этих «предприятий». Часть этого дохода и смазывала политическую машину, ибо сам «король» являлся одним из главных ад'ютантов Тома Пендергаста, причем слово «ад'ютант» здесь надо понимать в высоком смысле, как руководящую партийную должность.

3. ИДЕАЛЬНЫЙ БОСС

«Пендергаст правил своей империей из скудно обставленной, лишенной всяких претензий конторы на главной улице в деловой части Канзаса... Сидя за старомодным письменным столом, Пендергаст всегда был в шляпе. У входа в кабинет стоял на страже отставной капитан речного флота шести футов трех дюймов ростом. Он вводил посетителей: губернаторов, гангстеров, банкиров, бродяг. Сам Том никогда не проходил через комнату для ожидания. Он входил в свою контору через тайный вход».

Здесь все идеально для босса совершенной политической машины. Оставаясь в тени, он встречается с огромным числом людей — это его основное занятие. Он должен знать, что делается вокруг — от банковских дел до поножовщины в кабаках. У него множество просителей — от сановников до бродяг, так как вся полнота фактической власти находится в руках идеального босса. В то же время он должен быть всегда на-чеку, ибо у него множество врагов, которые готовы проглотить его самого и завладеть его машиной.

Он занимается также «благотворительностью» и оказывает «помощь». Вот филиппика самого Пендергаста, напечатанная в «Нью-Йорк таймс»:

«Я хозяин! Я хозяин благодаря моим способностям. Я знаю все организаторские уловки... Я знаю, как выбирать участковых капитанов и как подойти к бедняку. В распоряжении каждого из моих работников имеется фонд, за счет которого он может купить пищу, уголь, обувь, одежду. Когда бедный человек приходит к моим людям просить о помощи, мы просто набиваем его брюхо, обогреваем его тело и заставляем его голосовать так, как нам нужно».

Это «привлечение избирателей» и «денежные фонды» и заставляют среднего американца горестно покачивать головой. Неизвестно, сколько истратила «машина» на эти фонды, но точно установлено, что сам Пендергаст, примерно, за 15 лет проиграл на бегах 600 тысяч долларов. Политическая машина принесла ему миллионы.

Ну, а что произойдет, если человек, которому «набили брюхо», все же не станет голосовать так, как это нужно политической машине?

«На протяжении всей своей жизни Том Пендергаст придерживался первого закона джунглей. Он был немногословен и, если слова не помогали, пускал в ход огромные кулаки. Если кто-нибудь выбивался из строя или нарушал субординацию, Том вызывал его в свою контору и в мгновение ока сбивал с ног. Он считал, что это наилучший способ обращения с неблагодарными».

Надо все же иметь в виду, что речь идет не о содержателе притона, а о лидере демократической партии графства Джексон и города Канзаса, которые дали Соединенным Штатам их нынешнего президента!

Впрочем, железный кулак — это опять-таки идеальное качество босса. «На с'ездах демократической партии, — пишет автор книги, — возбужденным деятелям этой партии было трудно вырвать знамя из рук Пендергаста. Если он говорил: «Я набью вам морду», то в долгу не оставался».

Пендергаст десятилетиями укреплял свою политическую машину. Его машина изучала людей ближайших округов по специальным признакам благонадежности. Так было обращено внимание на фермера и дорожного надсмотрщика Гарри Трумэна. На политическую машину Пендергаста работали тысячи незримых агентов, в рядах которых мог оказаться и губернатор штата и каторжник, бежавший из тюрьмы. Муниципальные чиновники, сам управитель города, начальник полиции и его армия, судьи штата, сыщики и пасторы и, наконец, собственный сенатор — все это есть единая, чудовищная, как спрут, безотказно действующая политическая машина, которую держал в своих руках «безграмотный торговец виски», никогда не читавший ничего, кроме газет.

«Пендергаст понимал, — пишет автор,—что он является типичным боссом, и свое положение сформулировал следующим образом:

«Вы нуждаетесь в том, чтобы вами управлял босс. Ну, так вот, смотрите на меня. Я не хвастаю, когда говорю, что я управляю городом Канзас. Я — босс...»

4. У ИСТОКОВ ДРУЖБЫ

«Том никогда не просил меня браться за нечестные дела... Он всегда был честен со мной и все свои обещания выполнял. Я был уверен, что он всегда говорит мне правду».

Так звучит одно из воспоминаний м-ра Трумэна, которое Миллигэн цитирует по книге «Этот Трумэн», изданной в Нью-Йорке в 1945 году. Слова эти он относит не к отсутствию чувства юмора у нынешнего президента США, а к присутствию чувства благодарности к Тому Пендергасту, «которое росло у Трумэна по мере продвижения по служебной лестнице».

Выше мы привели слова автора «Миссурийского вальса»: «Верность боссу не кончилась у погребального катафалка, не там она и зародилась». Вот несколько выдержек из текста, раскрывающих эту мысль:

«Пендергаст мог вписать страницы в историю без помощи своего самого известного ученика, но никто из серьезных наблюдателей нашей политической жизни не может опровергнуть утверждения, что без помощи босса Пендергаста карьера Гарри Трумэна закончилась бы далеко от Белого Дома».

«Гарри Трумэн был фермером и дорожным надсмотрщиком... Возникает вопрос, почему Пендергаст счел нужным включить такого рядового фермера, как Трумэн, в список своих кандидатов на выборные должности? И согласился ли Гарри Трумэн, чтобы ему наклеили ярлык «ставленник Пендергаста», потому что не знал, что это означает?..»

«На Гарри Трумэна личность Тома Пендергаста производила большое впечатление, он благоговел перед ним. А Трумэн? Он всегда знал предел своих возможностей».

Автор этих строк прекрасно знает, о ком и о чем говорит. И он имеет все основания утверждать: «Я не сочиняю ради красного словца».

А в жизни дело обстояло буднично и просто. Политическая машина сделала Пендергаста крупным капиталистом. К тому времени (1922 год) он давно перешел от оптовой торговли виски к производству... «бетонного месива». Это диковинное предприятие (целый концерн) ничем, собственно, не отличалось от мошеннических «предприятий» Джонни Лазиа. Разница была только в том, что на «предприятиях» Лазиа играли краплеными картами, а здесь— «краплеными контрактами». Концерн Пендергаста через свой муниципалитет и «своих людей» в штате принуждал брать готовое «бетонное месиво» всех, кому требовался бетон. Когда, к примеру, одна крупная фирма сочла за идиотизм покупать «бетонное месиво» и построила фундамент здания на собственном бетоне, то ее заставили снести фундамент, якобы сооруженный «не по правилам».

Так называемые выборные судьи штата являлись членами комиссии, ведавшей дорожным и иным муниципальным строительством. То была эра нового дорожного строительства. Пендергаст подыскивал, выдвигал и проводил на выборах нужных людей. «Ему надо было продавать бетон».

Выбор и пал на Гарри Трумэна. Он был избран судьей.

За Трумэном долгое время и оставалось имя «судья Трумэн». Через его руки за время работы в суде прошло, по официальным данным, свыше 60 миллионов долларов, израсходованных округом на дорожное и другое строительство.

Вот, собственно, и все, что относится к началу этой старинной дружбы. Только однажды дружба эта как бы омрачилась. Гарри Трумэн, задумываясь о будущем, попросил у своего босса должность инспектора, сулившую бо́льшие жизненные блага, чем должность судьи. Пендергаст отказал: это было в его манере. Он своих друзей не баловал, и сам вел их по неисповедимым путям судьбы.

(Окончание следует).

Быт и нравы за рубежом

„Большой бизнес“

Выходящая в Гемпстеде (США) газета «Ньюс дэй» опубликовала недавно следующее об'явление: «Продается жена. Разведенная, блондинка, привлекательная, ищет мужчину, который женился бы на ней и содержал бы ее и двух ее детей. Должен дать согласие и быть в состоянии немедленно внести 10 тысяч долларов».

При содействии крупных информационных агентств и большинства «видных» газет это предложение г-жи Лоулор за одну ночь стало известно чуть ли не всей стране. В Гемпстед направились репортеры, представляющие почти все наиболее «солидные» органы печати США. Г-жу Лоулор фотографировали на квартире. У нее ежедневно брали «интервью», краткий смысл которых сводился к одной произнесенной ею фразе: «Я ищу только денег, денег и денег».

Бюллетени, издаваемые почти ежедневно агентством Ассошиэйтед Пресс и широко публикуемые многими газетами, наконец, оповестили о том, что Доротти Лоулор нашла «подходящего мужчину». Сообщалось, что этот джентльмен, Дэн Виккер из Дейтон Бич (штат Флорида), «одержал победу» с помощью следующей телеграммы: «Ничего не предпринимайте, пока не выслушаете меня. Цена может повыситься до 12 или даже до 13 тыс. долларов».

7 июля агентство Ассошиэйтед Пресс разослало всем подписчикам фотографию, на которой были торжественно засняты мадам Лоулор и м-р Виккер в аэропорте Дейтон-Бич.

Мистер Виккер, как и подобает истинному дельцу и содержателю заведения «Музыкальный бар Денни», сумел извлечь из своего столь молниеносного «счастья» немалую выгоду: он в срочном порядке стал продавать новый напиток «Коктейль Доротти Лоулор» по цене 1 доллар 75 центов за бокал.

В качестве многозначительного эпилога к этой «сенсационной» истории в истинно американском духе приведем сообщение газеты «Нью-Йорк уорлд телеграмм», помещенное на первой полосе: «Поиски мужа с 10 тыс. долларов натолкнулись на затруднения. Мужчина, к которому Доротти Лоулор приехала с такой поспешностью (за его счет), — Дэн Виккер, владелец таверны, пока женат, и когда он получит развод от своей жены — ему неизвестно...»

Таков финал этой скандальной истории, в ходе которой физиономия «свободной» американской прессы и вся «мораль доллара» предстали в еще более отвратном виде, чем даже физиономия самих «героев» — Доротти Лоулор и Дэн Виккера.

Освоение наук во сне

Как уверяет американский научный журнал «Сайенс дайджест» (май, 1948), в США изобретен «чудодейственный механизм» для скоростного изучения иностранных языков, математики и других наук не общепринятым путем, а без излишних хлопот и притом—во сне! Человек, желающий по этому «способу» одолеть все науки, должен всего лишь приобрести изобретенный неким мистером Шероувером — президентом Американского лингафонного института — аппарат с соответствующим набором пластинок, улечься в постель, положить громкоговоритель под подушку и безмятежно заснуть

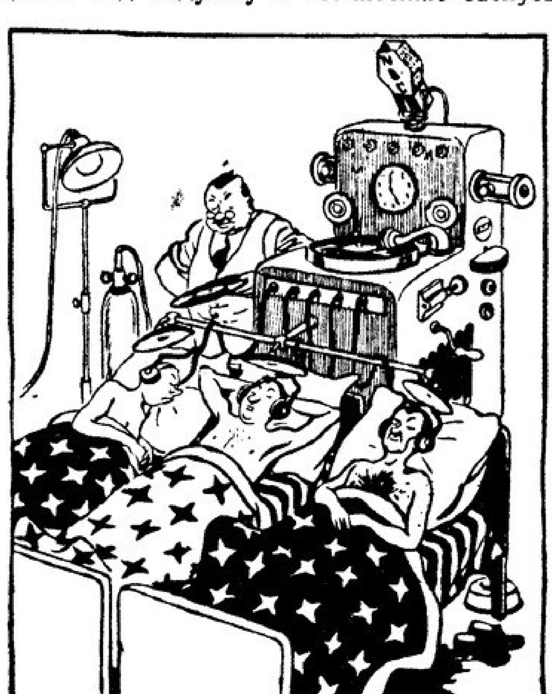

Рис. И. СЕМЁНОВА

под звуки «дормифона», или «сомнофона», как названо изобретателем его техническое детище, передающее учебный материал. На утро рекомендуется слегка просмотреть текст урока и убедиться в том, что он, — по уверению журнала, — усвоен наилучшим образом.

Американский «профессор» психологии Эллиот в течение двух лет, как сообщает «Сайенс дайджест», производил среди студентов Северо-Каролинского университета испытания нового способа «освоения наук». Профессор Эллиот отобрал 40 обладающих безукоризненным слухом студентов, которые подверглись трехчасовому сеансу «скоростного обучения». Когда под'опытных студентов разбудили и произвели проверку, то якобы обнаружилось, что половина из них отлично усвоила «пройденное». На основании этого «опыта» изобретатель полагает, что «с помощью дормифона учеба может быть доведена до феноменальной скорости».

Вот до каких научных «высот» можно дойти в этой самой Америке!

ФАКТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

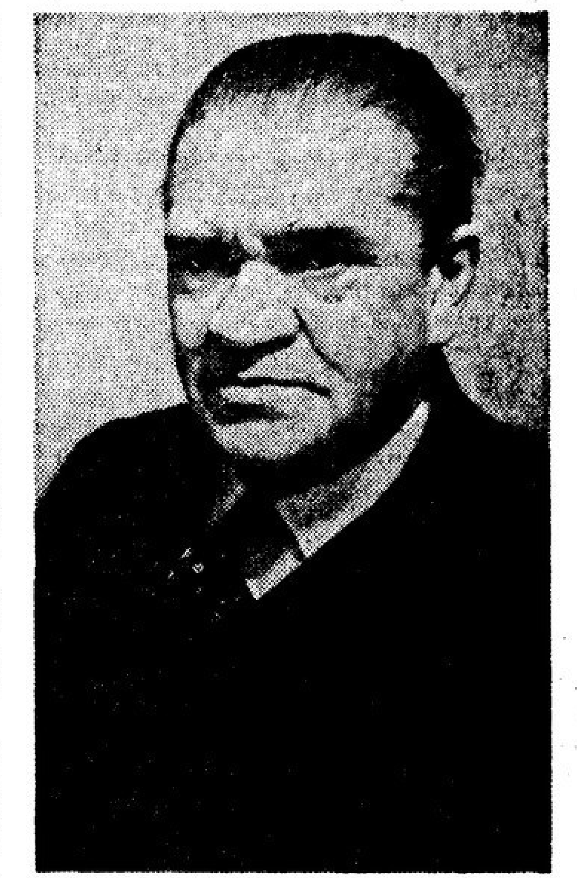
ДЕШЕВО И НАХАЛЬНО...

Как сообщает «Ниппон таймс», некий Суини Фукуи, проживающий в городе Хоккайдо (Япония), предлагает для продажи остров, расположенный в Охотском море. Остров этот, под названием Тодо, продается за 500 тысяч иен, причем его владелец подчеркивает в качестве особой приманки: «В ясный день с любой точки острова можно видеть советскую территорию».

НЕОТРАЗИМОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Как сообщает американский журнал «Тайм», пастор баптистской церкви в Бостоне Луи У. Уэст, читая проповедь, обратился к своим прихожанам с оригинальным политическим советом. Он заявил, что члены его прихода, большинство которых принадлежит к республиканской партии, имеют прекрасную возможность засвидетельствовать свою политическую лойяльность, отрастив точно такие же усы, какие носит Томас Дьюи.

ВДОХНОВЕННЫЙ ХУДОЖНИК

Умер Михаил Михайлович Тарханов. Трудно выразить словами, как велика для советского театра эта тяжелая утрата. Ушел от нас вдохновенный художник, крупнейший мастер русского сценического искусства. Ушел большой артист, которого горячо любил и ценил весь советский народ.

Кто хоть раз видел М. М. Тарханова на сцене, навсегда сохранит воспоминание о его чудесном таланте, о жизненной правде его творчества. Более 800 ролей сыграл Михаил Михайлович за 50 лет своей работы в театре, и каждую творческую победу артиста зрители встречали, как большое событие в советском театральном искусстве. М. М. Тарханов был подлинно народным артистом, вышедшим из народной массы, связанным с ней кровными, неразрывными узами. Народу посвятил он свое творчество, народу отдавал все свое умение и мастерство, создавая сценические образы огромной впечатляющей силы.

Когда Алексей Максимович Горький увидел Михаила Михайловича Тарханова в роли хозяина булочной (инсценировка «В людях», шедшая на сцене филиала МХАТ), его поразила правдивость и достоверность этого образа. После спектакля, беседуя с исполнителями, великий писатель никак не хотел поверить в то, что Михаил Михайлович не был лично знаком с героем повести — купцом Семеновым.

В своих ролях М. М. Тарханов не только поражал необыкновенной реалистичностью изображения, внутренней «характерностью» образа, но главное — поднимался до серьезных, глубоких обобщений, показывая социальные явления жизни.

Кто может забыть превосходно вылепленный образ городничего Градобоева («Горячее сердце»), отличающийся яркостью красок и остротой сатирического рисунка? А Собакевич из «Мертвых душ»? Словно со страниц книги сошел на сцену гоголевский помещик — так убедительно передавал М. М. Тарханов сущность изображаемого им персонажа. Ханжа и лицемер Фурначев («Смерть Пазухина»), изумительный по лаконичности исполнения генерал Печенегов («Враги»), лукавый «утешитель» Лука («На дне»), наконец, подлинно трагический образ чеховского Фирса — вот лучшие из сценических шедевров Михаила Михайловича.

Свою театральную деятельность М. М. Тарханов начал в Рязани, играя во многих пьесах по четыре роли—«лакеев молодых и старых, с усами и без усов». Одновременно ему приходилось работать и помощником режиссера и суфлером, в антрактах доводилось таскать на сцену мебель, подвешивать занавеси.

Михаил Михайлович говорил, что молодому советскому поколению актеров невозможно себе представить подобный творческий путь.

В Художественный театр М. М. Тарханов пришел в 1922 году. Его сразу признали «своим», а В. И. Немирович-Данченко, удивляясь тому, что М. М. Тарханов сумел сохранить свой талант от рутины и штампов, сказал: «Вы—наш актер».

На сцене Художественного театра наступил подлинный расцвет творчества Михаила Михайловича Тарханова. Именно здесь огромное дарование артиста раскрылось во всей его многогранности. Продолжая и углубляя реалистические традиции русского театра, следуя заветам своих великих учителей — К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, М. М. Тарханов стал одним из ведущих актеров МХАТ, принимавших деятельное участие в развитии современного искусства Художественного театра на всех его важнейших этапах.

Мы, актеры Художественного театра, особенно тяжело переживаем эту горькую утрату, ибо Михаил Михайлович с большой любовью и вниманием относился к товарищам, искренне радуясь успехам каждого из нас и театра в целом. Он всегда старался помочь советом, поделиться своим огромным жизненным и сценическим опытом. Часто лишь несколькими словами, указанием на отдельную деталь или интонацию М. М. Тарханов умел раскрыть зерно образа, передать его сущность.

Он был чуток к артистической молодежи. Будучи профессором, доктором искусствоведческих наук, художественным руководителем Государственного института театрального искусства им. А. В. Луначарского, он воспитал целую плеяду талантливых актеров и режиссеров.

Сын часового мастера, М. М. Тарханов прошел большой и славный путь. Его творчество тесно переплеталось с общественной деятельностью. Советский артист и советский гражданин, М. М. Тарханов принимал активное участие в кипучей трудовой жизни Родины. Правительство высоко оценило его выдающиеся заслуги в развитии театрального искусства, присвоив М. М. Тарханову почетное звание народного артиста СССР, лауреата Сталинской премии и наградив его двумя орденами Ленина и орденом Трудового Красного Знамени.

Михаила Михайловича не стало. Это известие с глубокой скорбью восприняли не только мы, деятели театра, но и все советские люди, хорошо знавшие этого замечательного художника советской сцены.

А. СТЕПАНОВА,
народная артистка РСФСР

Декада советской книги в Латвии

РИГА. (Наш корр.) 15 августа в Латвии началась декада советской книги. Она проходит, как большой общенародный праздник. В городах и уездных центрах республики открылись книжные базары. Свыше 250 комсомольцев-книгонош распространяют литературу на фабриках и заводах столицы Советской Латвии, сотни книгонош направились в деревню.

Книги советских писателей П. Павленко «Счастье», И. Эренбурга «Буря», М. Бубеннова «Белая береза», Э. Казакевича «Звезда», В. Пановой «Спутники» пользуются наибольшей популярностью. Многие из этих книг переведены на латышский язык и вышли отдельными изданиями.

Произведения латышских писателей Андрея Упита, Вилиса Лациса, Анны Саксе, Арвида Григулиса и других представлены на латышском и русском языках.

В дни декады на заводах и фабриках, в клубах и библиотеках проводятся литературные вечера, лекции, встречи с писателями.

На встрече с читателями города Валка выступили лауреат Сталинской премии Арвид Григулис, писатели Дамбур и Вилипс.

Декада советской книги — один из показателей расцвета социалистической культуры в Латвийской ССР. Только за послевоенные годы общий тираж книг, изданных в республике, уже превысил 30 миллионов экземпляров.

Издание произведений Х. Абовяна

В сентябре исполняется сто лет со дня смерти выдающегося армянского писателя-демократа Хачатура Абовяна. К этой дате издательства выпускают произведения писателя на армянском, русском и других языках.

Академия наук Армянской ССР издает третий том полного собрания сочинений Абовяна, содержащий его знаменитый роман «Раны Армении», а также неопубликованные варианты этого произведения. Академический текст «Ран Армении» на русском языке (в переводе С. Шервинского) подготовил к печати Институт литературы Академии наук Армянской ССР. К памятным дням в Армении выйдет также второй том «Архива Хачатура Абовяна».

Впервые на русском языке выходит однотомник избранных произведений писателя-демократа. В эту книгу, выпускаемую Гослитиздатом, включены: сокращенный вариант романа «Раны Армении», стихи и басни (литературный перевод С. Шервинского по подстрочному переводу М. Геворкяна). Предисловие к книге знакомит с основными чертами биографии и творчества писателя.

Фрагменты из «Ран Армении» и отдельные стихи Абовяна выпускаются и в союзных республиках.

Основоположнику новой армянской литературы, просветителю-демократу Хачатуру Абовяну посвящены многочисленные исследования армянских литературоведов, критиков и лингвистов. Сборники исследовательских работ издаются Институтом литературы и Ереванским университетом.

* * *

КИЕВ. (Наш корр.). Государственное издательство художественной литературы Украины выпускает к столетию со дня смерти основоположника новой армянской литературы Хачатура Абовяна однотомник его избранных произведений на украинском языке. В однотомник входит широко известный роман «Раны Армении» в переводе писателя А. Ильченко и стихи в переводах П. Тычины, М. Рыльского, В. Сосюры, Л. Дмитерко и др.

Книга выходит под редакцией поэта — академика П. Тычины.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, отдел писем — К 0-62-91, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—02653